

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху . . . . . С. Протопопова.

Политическое устройство Германской имперіи (Продолженіе). . . . . А. Д. Градовскаго.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка (Продолженіе). . . . . І. І. Первольфа.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Томъ V. Акты, относящіеся къ дѣлу о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патриархату (1620—1694 г.). Кіевъ, 1873. . . . . Г. О. Карпова.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. М. Гезена.

О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи . . . . . А. О. Кистяковскаго.

Обозрѣніе дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1873 годъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія, б) низшія училища.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л.—ра.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обертки).

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА, КАКЪ ПАМЯТНИКЪ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫХЪ ВОЗЗРѢНІЙ И ЖИЗНИ НА РУСИ ВЪ ДО-ТАТАРСКУЮ ЭПОХУ.

Поученіе Владиміра Мономаха относится къ числу важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ нашей древности. Если Повѣсть временныхъ лѣтъ заключаетъ въ себѣ важнѣйшее основаніе внѣшней, фактической стороны нашей исторіи, если договоры Олега и Игоря и Русская Правда суть главнѣйшіе источники древняго русскаго права, — то житіе Θεодосія, написанное пр. Несторомъ, Слово о полку Игоря и Поученіе Владиміра Мономаха суть замѣчательнѣйшіе памятники внутренней, духовной жизни и міросозерцанія нашихъ предковъ въ отдаленнѣйшую эпоху русской исторіи. Но житіе Θεодосія написано инокомъ, то-есть, человѣкомъ, отказавшимся отъ міра, хотя въ то же время не перестававшимъ живо интересоваться общественными событіями, что видно изъ его лѣтописи (если сія послѣдняя дѣйствительно имъ писана), но во всякомъ случаѣ не принимавшимъ никакого дѣятельнаго участія въ этихъ событіяхъ. Притомъ этотъ человѣкъ, съ семнадцати-лѣтняго возраста посвятившій себя Богу, и слѣдовательно, въ высшей степени религіозный, если не вполне, то по крайней мѣрѣ, лучше большинства другихъ, особенно не иноковъ, отрѣшился отъ прежняго языческаго міровоззрѣнія и усвоилъ себѣ идеи христіанства въ сравнительно чистомъ видѣ, такъ что его взглядами нельзя руководствоваться вполне и безъ оговорокъ для характеристики религіозно-правственныхъ воззрѣній и жизни остальнаго русскаго общества его времени. Слово о полку Игоря написано авторомъ, до котораго, очевидно, совершенно не коснулось христіанство, и потому воззрѣнія Слова приложимы только къ той, къ сожалѣнію, весьма многочисленной части русскаго общества, которая жила еще вполне языческою жизнью и была совершенно

часть CLXXI, отд. 2.

шенно чужда христіанскимъ идеямъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣеть Поученіе Мономаха, написанное лицомъ свѣтскимъ и притомъ стоявшимъ, по своему положенію, во главѣ общества: это поученіе лучше всего можетъ показать, какъ прививались и усвоились христіанскія идеи русскою жизнію того времени, на какую сторону христіанства обращали преимущественное вниманіе тогдашніе русскіе люди и на сколько прежнее языческое міросозерцаніе, отъ котораго долго не могла отрѣшиться даже самая лучшая часть общества, мирилось съ новыми христіанскими понятіями. Съ такой-то именно точки зрѣнія мы и имѣемъ въ виду рассмотреть Поученіе Мономаха, съ цѣлію представить очеркъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни русскаго общества до-татарской эпохи, то-есть, періода, обнимающаго собою время отъ введенія христіанства на Руси до половины XIII столѣтія, потому что хотя Поученіе написано въ концѣ XI вѣка (1099 г.), тѣмъ не менѣе оно имѣеть значеніе памятника религіозно-нравственной жизни всего до-татарскаго періода, такъ какъ жизнь этого періода текла въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи, безъ особенныхъ пережбъ, характеризующихъ тѣмъ-либо каждое изъ указанныхъ столѣтій. Безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ приступить къ рассмотрѣнію поученія Мономаха въ указанномъ направленіи, мы должны представить критическій обзоръ этого памятника съ чисто литературной стороны, коснуться подлинности, времени его происхожденія и проч., и наконецъ, сказать нѣсколько словъ о самомъ авторѣ Поученія.

I.

Поученіе Владиміра Мономаха и христіанскій характеръ автора поученія.

Поученіе—въ Лаврепгевской лѣтописи.—Подлинность Поученія.—Границы его въ лѣтописи.—Время написанія Поученія (1099 г.).—Источники.—Авторъ Поученія—Владиміръ Мономахъ.—Лѣтописные разказы и отзывы о немъ.—Посланіе къ нему Никифора, митрополита Кіевского, какъ матеріалъ для его характеристики.—Поученіе Мономаха, какъ важнѣйшій матеріалъ для характеристики послѣдняго.—Форма Поученія—завѣщаніе дѣтямъ.—Такія завѣщанія въ обычай древней жизни.—Содержаніе—три главныя мысли Поученія.—Общій составъ и порядокъ Поученія.

Поученіе Владиміра Мономаха найдено въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи¹⁾, гдѣ оно вставлено подъ 6604 (1096) го-

¹⁾ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, писанный въ 1377 году на пергаментѣ, нынѣ хранящійся въ Императорской публичной бібліотекѣ, издавался нѣсколько

домъ, безъ всякаго къ тому повода, въ ряду посторонняго разказа. Такая безпричинная вставка Поученія въ лѣтопись можетъ легко возбудить вопросъ; дѣйствительно ли это Поученіе принадлежитъ перу Владиміра Мономаха? Можно подумать: не сочинено ли оно самимъ лѣтописцемъ для того, чтобы ярче обозначить привлекательныя черты характера великаго князя? Но есть нѣкоторые данныя, которыя ясно свидѣтельствуютъ въ пользу подлинности Поученія, какъ произведенія Мономаха. Съ одной стороны, еслибы Поученіе было сочинено лѣтописцемъ, то оно, конечно, не было бы соединено съ посланіемъ къ Олегу ¹⁾, такъ какъ лѣтописцу можно было вставить подъ 1096 годомъ *одно посланіе*, если-бъ и то, и другое сочиненіе существовали раздѣльно; онъ же вставилъ *оба вмѣстѣ*, потому что на Поученіи время не обозначено, а посланіе приходится къ событію года. Затѣмъ, въ пользу подлинности Поученія свидѣтельствуетъ отсутствіе его во всѣхъ другихъ спискахъ лѣтописи, кромѣ Лаврентьевскаго: эта лѣтопись носитъ въ себѣ слѣды болѣе общерусскаго характера и потому болѣе интересуется Мономахомъ, какъ замѣчательнымъ, по своимъ качествамъ, княземъ *всей* Русской земли. Прочія же лѣтописи не приводятъ Поученія, такъ какъ въ этихъ лѣтописяхъ господствуетъ преимущественно мѣстный, областной характеръ: интересъ такого лѣтописца сосредоточивается на событіяхъ *его* страны и на лицахъ, игравшихъ важную роль въ событіяхъ этой страны (напримѣръ, Новгородскія и Псковскія лѣтописи). Понятно, такого лѣтописца не могло особенно занимать лице, бывшее красою не его княжества. Наконецъ, за подлинность Поученія говоритъ самый характеръ послѣдняго, которое, конечно, было бы совершенно инымъ, если бы сочинилъ его лѣтописецъ-янокъ. При тогдашнемъ, почти всеобщемъ, взглядѣ на монаше-

---

разъ цѣликомъ и отрывками. Такъ, въ 1793 году графъ А. И. Мушинъ-Пушкинъ издалъ отрывокъ изъ этого списка, именно — разсматриваемое поученіе, подъ названіемъ: «Духовная великаго князи Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтиямъ своимъ». Первое полное изданіе Лаврентьевской лѣтописи, со включеніемъ и Поученія, появилось въ 1846 году отъ имени Археографической комиссіи подъ редакціей Верединкова. Затѣмъ въ 1860 году Миллошичъ перепечаталъ это изданіе съ нѣкоторыми измѣненіями. Наконецъ, послѣднее изданіе, 1872 года, сдѣлано Археографической комиссіей подъ редакціей А. Ф. Вычкова. Мы приводимъ текстъ Поученія преимущественно по изданію 1846 года. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ Поученіе помѣщено на 78—85 стр. рукописи.

¹⁾ Посланіе къ Олегу, можно сказать, даже совершенно слито съ Поученіемъ, такъ что трудно опредѣлить границы того и другого. Впрочемъ, объ этомъ см. дальше.

ство, какъ на идеаль добродѣтельной жизни,—авторъ-инокъ никакъ не дозволялъ бы себѣ сказать, что „ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко нині добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ“ можно заслужить милость Божию. Такимъ образомъ не трудно убѣдиться въ подлинности приписываемаго Мономаху Поученія. Сохраненное въ древнѣйшемъ (1377 года), харатейномъ спискѣ лѣтописи, оно предлагаетъ многія извѣстія, засвидѣтельствованныя лѣтописями, заключаетъ много лишннихъ извѣстій, не представляющихъ никакого противорѣчія съ извѣстными, никакой несообразности со временемъ и всѣми обстоятельствами, носить въ себѣ печать правды и исключаетъ само собою всякую мысль о подлогѣ, выставляя черты, которыхъ выдумать нельзя. обстоятельное изученіе самаго Поученія окончательно убѣждаетъ всякаго во внутреннихъ его достоинствахъ, при чемъ духъ Поученія несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что оно могло выйти только изъ-подъ пера Владиміра Мономаха.

Гораздо труднѣе опредѣлить *границы* Поученія въ лѣтописи, потому что оно дошло до насъ не въ первобытномъ, чистомъ видѣ. Оно очевидно, смѣшано, съ другими статьями и имѣетъ пропуски; помѣщено, по странному недоразумѣнію, въ среднѣхъ посторонняго сказанія о происхожденіи Половцевъ и разказа Гюраты Роговича объ Югрѣ. За Поученіемъ, не имѣющимъ видимаго опредѣленнаго конца, сподрядъ помѣщено посланіе или письмо Владиміра Мономаха къ Олегу Святославичу по случаю смерти сына Владимірова Изяслава, убитаго въ битвѣ съ Олегомъ Святославичемъ: Мономахъ проситъ, между прочимъ, Олега въ этомъ письмѣ не задерживать, а прислать къ нему его невѣстку, неутѣшную вдову—жену покойнаго сына. Нельзя съ точностію рѣшить—гдѣ кончается Поученіе и начинается посланіе къ Олегу, потому что между тѣмъ и другимъ находятся общія мѣста, безъ указанія на какой-либо опредѣленный предметъ рѣчи. Не можетъ быть, чтобы Поученіе оканчивалось такою отрывистою рѣчью: „Божіе блюдоще дѣлѣе есть человѣчскаго“, хотя несомнѣнно также и то, что дальнѣйшія слова, послѣ приведенной фразы, начинающіяся такъ: „о многострастный и печалны азъ...“ относятся не къ Поученію, а къ посланію Владиміра Олегу. Очевидно, что между Поученіемъ и посланіемъ есть пропускъ, подобно тому, какъ и въ началѣ Поученія есть пропускъ, для котораго въ Лаврентьевскомъ спискѣ оставлено мѣсто строки на четыре. Во всякомъ случаѣ намъ приходится ограничить Поученіе фразой: „Божье блюдоще дѣлѣе есть человѣчскаго“; а воззваніе: „о мно-

гострастный и печальный азъ"—отнести къ посланію Олегу, такъ какъ тутъ сряду же проводится мысль о страшной отвѣтственности передъ судомъ Божиимъ за ненависть и нелюбовь къ братьямъ,—мысль, весьма умѣстная въ посланіи, написанномъ въ примирительномъ духѣ.

Теперь вопросъ въ томъ: когда написано Поученіе?

Въ самомъ Поученіи ученые изслѣдователи останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ, ища здѣсь отвѣта на вопросъ о времени написанія: „Сѣдя на санѣхъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго доправади“. Карамзинъ слишкомъ произвольно переводитъ, или лучше сказать, перефразируетъ это мѣсто: „Приближаясь ко гробу, благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ. Рука его довела меня до старости маститой“¹⁾. Основаніе для своей мысли о старости Мономаха Карамзинъ видитъ въ томъ, что Поученіе говоритъ о походѣ Мономаха на Ярослава, князя Владимірскаго, бывшемъ не ранѣе 1117 года, и слѣдовательно, по мнѣнію Карамзина, Мономаху было тогда не менѣе 65 лѣтъ отъ роду, то-есть, онъ находился въ преклонной старости. Шевыревъ также согласенъ съ Карамзинымъ. „Сидя на саняхъ“, говоритъ Шевыревъ, „писалъ это поученіе Владиміръ, и хвалилъ Бога за то, что онъ соблюлъ его до такихъ дней, слѣдовательно уже въ глубокой старости“²⁾. Онъ даже слово „на санѣхъ“ принимаетъ въ смыслѣ смертнаго одра, ссылаясь (стр. 245) на тѣ мѣста лѣтописей, въ которыхъ встрѣчается иногда извѣстіе, что больныхъ и покойниковъ носили на саняхъ. Но съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ нельзя согласиться, потому что о старости въ подлинникѣ нѣтъ ни слова. Владиміръ благодаритъ Бога только за то, что онъ далъ ему возможность жить „до сихъ дней“, до сихъ поръ.

Но если не въ старости, то когда же Владиміръ написалъ свое поученіе?—Академикъ Погодинъ рѣшаетъ весьма обстоятельно этотъ вопросъ³⁾. Въ поученіи, въ самомъ началѣ его, такъ говорится: „да, дѣти мои, или ины кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтесь... аще ли кому не любя грамотица си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на *далечи пути*, да на санѣхъ сѣдя, безлѣпницю си молвилъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Поученіе задумано Мономахомъ на дорогѣ. Далѣе изъ словъ: „усрѣтоша мя слы отъ братья

¹⁾ Ист. Гос. Росс., т. II, стр. 161.

²⁾ Ист. русск. слов. М. 1846 г.; стр. 191.

³⁾ Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X, стр. 234—244.

моея на Волгѣ, рѣша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънимемъ“, — видно, что дорога Мономаху шла по Волгѣ; а куда именно, то это несомнѣнно—въ Ростовъ, какъ ниже онъ самъ говоритъ: „се нынѣ иду Ростову“. Итакъ, Поученіе, говоритъ г. Погодинъ, задумано по дорогѣ въ Ростовъ, по поводу посольства братьевъ съ предложеніемъ объ изгнаніи Ростиславичей; написано же имъ вскорѣ по прибытіи въ этотъ городъ. Остается теперь отыскать время, когда братья-князья шли на Ростиславичей. Это случилось не во время великаго княженія Мономаха (1113—1125 гг.), потому что великому князю прочіе удѣльные князья не могли такъ сказать: „иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“, какъ приводится въ Поученіи, и что ясно показываетъ равныя отношенія прочихъ князей къ Владиміру. Не могло это быть и при великомъ князѣ Киевскомъ Всеволодѣ (1078—1093 гг.), потому что онъ самъ далъ Ростиславичамъ волость. Остается только княженіе великаго князя Святополка (1093—1113 гг.), когда могло случиться это предиріятіе. Извѣстно, что на сѣвдѣ 1097 года была утверждена за Ростиславичами ихъ волость, предоставленная имъ Всеволодомъ. Вскорѣ послѣ сѣвда случилось ослѣпленіе Василька Ростиславича по навіту Давида Игоревича, что вызвало Мономаха заставить великаго князя Святополка отмстить Давиду войною. Святополкъ исполнилъ это; но въ 1099 году вдругъ вздумалъ онъ идти на Ростиславичей, получивъ отъ Святославичей на то согласіе; но всѣ вмѣстѣ хотѣли еще имѣть согласіе Мономаха, и послали къ нему пословъ (усрѣтоша мя слы отъ брата моего). Мономахъ отказался, такъ какъ ему горько было такое неожиданное нарушеніе всѣхъ обязательствъ. Отсюда ясно, по мнѣнію г. Погодина, что *моментъ сочиненія* Поученія былъ 1099 годъ, и съ этимъ нельзя не согласиться, взявъ во вниманіе вышеприведенную, весьма основательную аргументацію ученаго историка. Что же касается того обстоятельства: какимъ образомъ въ поученіе попало описаніе происшествій и послѣ 1099 года, даже позднѣйшихъ 1117—1118 годовъ, на основаніи чего Карамзинъ и перевелъ въ началѣ слова: „до сихъ дней“, въ смыслѣ—до старости маститой, то на описаніе этихъ происшествій г. Погодинъ смотритъ какъ на позднѣйшую вставку,—иначе, по его мнѣнію, нельзя объяснить: почему до 1099 года Мономахъ подробно описалъ всѣ свои дѣйствія, занявшія мѣсто четырехъ страницъ въ четверку, а собственное свое великое княженіе онъ разказалъ только въ четырехъ строкахъ. Мало того, происшествія этой вставки крайне пере-

путаны; во многихъ случаяхъ не замѣчается ни логической, ни грамматической связи. Если уже не отрицать окончательно подлинности описанія позднѣйшихъ событій, то нужно признать это по крайней мѣрѣ за дополненіе, сдѣланное въ послѣдствіи хотя и самимъ Мономахомъ, но испорченное, сокращенное тѣмъ или другимъ переписчикомъ—по какому-либо недоразумѣнію, но безъ умысла. Во всякомъ случаѣ подобная уступка не исключаетъ признанія того факта, что Поученіе первоначально сочинено въ 1099 году, а происшествія, бывшія послѣ 1099 года, очень могли быть вставлены или дополнены въ послѣдствіи самимъ Мономахомъ, который, придавая своему сочиненію характеръ руководства не только для своихъ собственныхъ дѣтей, но и для всѣхъ грамотныхъ людей своего времени, что видно изъ словъ его („...дѣти мои, или *имъ кто*, слышавъ сю грамотицю“), счелъ нужнымъ прибавить для назиданія и о тѣхъ своихъ дѣлахъ, которыя онъ совершилъ послѣ первоначальнаго написанія Поученія въ 1099 году.

Письменными *источниками* и пособиями, служившими Мономаху при написаніи Поученія, были различные древніе сборники поученій, какъ самостоятельнаго русскаго происхожденія, такъ и перешедшіе изъ Болгаріи, или переведенные уже на Руси съ греческаго языка. Разсматривая Поученіе, нельзя не замѣтить, что Владиміръ, при всей своей огромной и неутомимой дѣятельности, какъ князь-защитникъ Русской земли отъ поганыхъ и какъ князь-примиритель внутреннихъ междоусобій и распрей прочихъ князей, находилъ все-таки время для чтенія этихъ назидательныхъ сочиненій, возбуждившихъ въ немъ любовь къ истинно-христіанскимъ добродѣтелямъ. Болѣе подробныя указанія письменныхъ источниковъ, какіе имѣлъ подъ руками Мономахъ при составленіи своего произведенія, будутъ помѣщены ниже, при разборѣ самаго Поученія Мономаха. Но самымъ главнымъ и важнымъ источникомъ для Поученія служилъ Мономаху его собственный, истинно-христіанскій взглядъ на жизнь и житейскія отношенія и вообще весь его умственный складъ, такъ счастливо сложившійся подъ вліяніемъ въ высшей степени симпатическаго характера этого великаго человѣка. Читая его произведеніе, не знаешь, чему удивляться—высокости ли идей, высказанныхъ въ Поученіи, или величію характера, создавшаго эти идеи? И то, и другое — одинаково прекрасно, такъ что прежде, чѣмъ разсматривать Поученіе, мы постараемся представить нравственныя особенности характера его сочинителя.

Лѣтописные разказы и отзывы о Владимірѣ Мономахѣ, посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго, къ этому князю, и наконецъ, само Поученіе даютъ намъ возможность составить довольно цѣльное представленіе о характерѣ и образѣ жизни этого князя-христіанина. Посмотримъ сначала, какія черты характера Мономаха можно вывести изъ лѣтописныхъ разказовъ и отзывовъ о немъ.

Владимірѣ Мономахѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего. Лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ сталъ размышлять: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столѣ преже отъ отца его былъ“. И размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ—въ Переяславль ¹⁾. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно—былъ увѣренъ въ желаніи гражданъ Кіевскихъ имѣть его своимъ княземъ. Татищевъ прямо говоритъ, будто Кіевляне, послѣ смерти Всеволода, просили Владиміра занять Кіевскій столѣ ²⁾. Безъ сомнѣнія, ужь и тогда Мономахъ успѣлъ приобрести народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ исторіи древней Руси. Онъ не возвышался надъ понятіями своего времени, не шелъ на переکورъ имъ, не хотѣлъ измѣнять существующаго порядка вещей: онъ старался личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывать недостатки существующаго порядка, сдѣлать его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Вотъ почему не рѣшился онъ, при всей легкости, нарушить существовавшій порядокъ престолонаслѣдія, хотя этотъ порядокъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Русскому обществу того времени, взволнованному княжескими усобицами, нужно было, чтобы князь свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не спорилъ съ братьями, мирилъ враждебныхъ родичей. Владимірѣ считалъ какъ-бы своимъ призваніемъ—примирять родичей: миролюбіе было основною чертой его характера, такъ что онъ заслужилъ прозваніе братолюбца ³⁾. Лѣтописецъ разказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на Владиміра вѣсть о звѣрскомъ поступкѣ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 93.

²⁾ Татищевъ, Ист. Росс. т. II, стр. 146. М. 1773 года.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. II, стр. 10.

Давыда Игоревича надъ Василькомъ. „Володимеръ же слышавъ, яко ять бысть Василько и слѣплень, ужасеся и всплакавъ и рече: сего не бывало есть въ русьскѣй земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сякаго зла“. Потомъ онъ послалъ сказать Давиду и Олегу Святославичамъ: „пойдемъ къ Городцю, чтобы исправить это зло.... да еще сего не правимъ, то болѣе зло встанеть въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля Руская...“¹⁾. Сколько искренней, неподдѣльной любви къ родной Русской землѣ и сколько сердечныхъ онасеній за будущность ея дышетъ въ этихъ словахъ Владиміра! Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образъ-помощь благочестія. Лѣтописи весьма часто указываютъ на постоянное благочестивое настроеніе князя. „Даръ си отъ Бога прія“, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи,—„да егда въ церковь внидашеть и слыша пѣнье, и абы слезы испущашеть“²⁾. Въ 1116 году Глѣбъ Минскій не оказалъ должной покорности Владиміру, сопротивляясь приказаніямъ послѣдняго. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу: „Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду“, самъ пошелъ къ Минску—наказать ослушника. Глѣбъ сталъ просить пощады. „Володимеръ же сжалися тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постыныя великого поста, и вдасть ему миръ“³⁾. Какъ на похвальную черту въ характерѣ Мономаха, лѣтописецъ обращаетъ вниманіе на его уваженіе и почтеніе къ своимъ родителямъ. Свою мачиху Владиміръ „чтишеть... отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти не ослушася его ни въ чемъ же“⁴⁾. Но болѣе всего нравится лѣтописцу-иноку то, что Владиміръ „чташе санъ святительскій“. Онъ, говоритъ лѣтописецъ, „любовь имѣя къ митрополитамъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечскій чинъ любя, и черницы любя, приходилца къ нему напаше и напаше“⁵⁾. Говоря о смерти Мономаха, всѣ лѣтописцы пользуются случаемъ высказать какую-нибудь похвалу князю, а Лаврентьевская, Ипатьевская и Воскресенская лѣтописи помѣщаютъ длинныя панегирики его добродѣтелямъ. Вотъ отзывъ Лаврентьевской лѣтописи: „Представися благовѣрный и великій князь русскій Володимеръ... украшенный добрыми нравы, прослуживъ въ побѣдахъ, его имене тре-

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 129.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 7.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 112.

⁵⁾ Тамъ же.

петаху вся страны и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его: понеже убо онъ всею душею възлюбилъ Бога.... Се же чудный Володимеръ потщася Божья хранити заповѣди, и Божья страхъ присно имѣя въ сердци... добро творяще врагомъ своимъ, отпуска я одарени. Милостивъ же быше паче мѣры... тѣмъ и не падаше имѣнья своего, раздавая требующимъ и церкви зижя и украшая; чтяшетъ же излиха чернечскій чинъ и поповскій, подавая имъ еже на потребу и прїимая отъ нихъ молитвы.... тѣмъ и Богъ вся прошенья его свершаше и исполни лѣта его въ доброденствѣ¹⁾. Въ томъ же родѣ, только нѣсколько покороче, высказывается о Мономахъ и Воскресенская лѣтопись²⁾. Инатъевская лѣтопись произноситъ отзывъ о Мономахъ болѣе съ государственной точки зрѣнїя. Онъ, по ея словамъ, „просвѣтилъ Рускую землю, авы солнце луча пуца; его же слухъ произиде по всѣмъ странамъ, наипаче же бѣ страшень поганымъ“. Далѣе Владиміръ характеристично называется „братолюбцемъ“, „нищелюбцемъ“ и „добрымъ страдалцемъ за Русскую землю“³⁾. Послѣднее выраженіе особенно живо говоритъ въ пользу Мономаха, какъ челоука, посвятившаго себя всецѣло народному дѣлу. Добрый страдалецъ за родину—вотъ идеалъ древне-русскаго князя. Но это не одинъ только древне-русскій идеалъ: это—идеалъ общечелоуцескій. Вотъ главное значеніе Мономаха: онъ по своимъ достоинствамъ подходитъ подъ общечелоуцескій идеалъ государя, — всецѣло, до самоотверженія преданнаго интересамъ своей страны. „Святители“, прибавляетъ лѣтописецъ, „жаляице си плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людіе по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю... плакахуся... и сынове его... и внуци его; и тако разидошася вси людіе съ жалостію великою... съ плачемъ великимъ“...⁴⁾. И дѣйствительно, было за чтò плакать по немъ, сокрушаться о его смерти. Такой высоконравственный и честный челоукъ, такой мудрый и миролюбивый государь, каковъ былъ Момахъ, государь, который несомнѣнно принесъ бы своими качествами большую пользу и въ лучшую пору народной жизни, тѣмъ болѣе имѣлъ важное значеніе въ ту темную эпоху жизни Руси, когда она была терзаема внутренними раздорами и распрями князей, и къ тому же постоянно подвергалась опасности отъ набѣговъ дивихъ степняковъ.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, т. VII, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 10.

⁴⁾ Тамъ же.

Кромѣ лѣтописцевъ, имѣеть большое значеніе для характеристики Владиміра Мономаха свидѣтельство о немъ одного его современника, митрополита Кіевскаго, Никифора († 1121 г.). До насъ дошло его посланіе къ Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ ¹⁾. Тутъ видѣнь и самъ достойный митрополитъ, съ его умомъ, образованіемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнь и достойнѣйшій князь, съ его высокими качествами чловѣка-христіанина. Митрополитъ, обращаясь къ князю, называетъ его благовѣрнымъ, *человѣкомъ любивымъ и кроткимъ* ²⁾. Говоря о значеніи поста и о средствахъ къ удержанію чувственныхъ наклонностей, митрополитъ прибавляетъ: „Да что и говорить о воздержаніи такому князю, иже болѣ на земли спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе портъ отгнать, и по лѣсомъ ходя, сиротину носить одежду“ ³⁾. Такой отзывъ о невыскательности и неизмѣненности князя подтверждаетъ и самъ Мономахъ въ своемъ Поученіи: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на вонгѣ и на лонѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя“. Часто бывало, разказываетъ Никифоръ, что князь готовилъ великолѣпный обѣдъ для придворныхъ, а самъ прислуживалъ за столомъ ⁴⁾. Другіе объѣдаются и упиваются, а князь „маломъ вкушеніемъ и малою водою“ довольствуется ⁵⁾. По словамъ Никифора, Владиміръ весьма сострадателенъ и добръ къ бѣднымъ: „То рука твои по Божіи благодати ко всѣмъ простирается“ ⁶⁾. Князь не корыстолюбивъ, не собираетъ сокровищъ, а напротивъ, раздаетъ полною рукою то, что имѣеть: „Николиже ти съ кровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищѣтено бысть, но вся раздавая и обѣма руками истощая даже и доселѣ“ ⁷⁾.

Можно было бы подумать, что такой отзывъ митрополита о князѣ, обращенный лично къ нему, есть не что иное, какъ льстивое слово власть имѣющему, изъ корыстныхъ видовъ. Но за правдивость отзыва ручается сама личность Никифора. Правда, лѣтописи не даютъ намъ

¹⁾ «Посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго къ великому князю Володиміру, сыну Всеволожу, сына Ярославя», напеч. въ Русск. Достопамят. т. I, стр. 61 — 75.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 67.

³⁾ Тамъ же, стр. 68.

⁴⁾ «И самъ убо служиши и стражши рукама своимя», см. тамъ же, стр. 69.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же.

никакихъ свѣдѣній о жизни его, исключая краткаго исчисленія епископовъ, поставленныхъ этимъ митрополитомъ въ разные русскіе города. Но въ этомъ случаѣ приписываемыя ему четыре посланія и поученіе въ недѣлю сыропустную живо свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о пастырѣ въ высшей степени честномъ, просвѣщенномъ, заботящемся о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ и ревностномъ къ охраненію православія. Для подтвержденія своихъ похвалъ, митрополитъ прямо передъ всѣми заявляетъ, что только невѣжда или безчувственный человѣкъ не знаетъ о достоинствахъ Мономаха: „Невѣжда или нечувственный не разумѣетъ ихъ.... И видятъ вси и чюдятся“¹⁾, прибавляетъ онъ; значитъ, дѣйствительно выдавались изъ ряду вонъ прекрасныя качества Мономаха, если митрополитъ рѣшился сослаться на всѣхъ знавшихъ князя, что всѣ удивляются ему.

Обращаясь къ Поученію самого Владиміра Мономаха, мы видимъ, что оно, подтверждая отзывы лѣтописцевъ и митрополита Никифора о князѣ, въ то же время свидѣтельствуетъ, что та глубокая практическая мудрость, которая сквозитъ въ каждой строкѣ Поученія, вынесена авторомъ изъ своего личнаго опыта, изъ своей многоплодной дѣятельности. Послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано особенно увѣренностію въ рѣчи и твердостію въ словахъ, чѣмъ проникнуто все Поученіе отъ начала до конца.

Народъ терпѣлъ большое бѣдствіе при другихъ князьяхъ отъ того, что до него рѣдко доходила „княжая правда“. Тіуны и княжескіе отроки немилосердно грабили народъ, тайно отъ князя. Мономахъ обратилъ на это вниманіе. Онъ не давалъ сильнымъ обижать „ни худаго смерда, ни убогой вдовицы“, а большею частію самъ „оправливалъ“²⁾ людей. При грубости и несдержанности тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ человѣкъ, особенно подначальный или какимъ-либо образомъ зависимый, имѣвшій несчастіе подвергнуться гнѣву такихъ людей, часто платился своею жизнію! Мономахъ въ своей судебной практикѣ держался правила—не предавать смерти ни праваго, ни виноватаго, чтобы когда-либо по ошибкѣ не загубить души христіанской. „Ни права, ни крива не убивай, ни повелѣвайте убити его“, совѣтовалъ онъ дѣтямъ своимъ. Другіе князья не любили сдерживать своихъ чувственныхъ

¹⁾ Русск. Достоп., т. I, стр. 63.

²⁾ Замѣчательно, что на языкѣ Мономаха слово «оправливать»—оправдывать, равнозначуще понятію — судить.

инстинктовъ и часто открыто предавались пьянству и крайнему разврату. Владиміръ былъ врагъ невоздержанія и отличался цѣломудріемъ, что мы еще раньше видѣли изъ отзывовъ лѣтописцевъ и митрополита Никифора. „Блюдитесь“, усовѣщевалъ онъ своихъ дѣтей,— „пьянства и блуда, въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло“. Въ словахъ его: „куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка“, видѣнъ все тотъ же безкорыстный и щедрый Мономахъ, какимъ мы его уже знаемъ. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха и его изумительная дѣятельность возбуждали къ нему особенное сочувствіе въ народѣ. По его словамъ, онъ большую часть жизни провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ. Однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83, не давалъ себѣ покою, ни днемъ, ни ночью, когда былъ въ дорогѣ, на войнѣ или на охотѣ. До свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ въ церковь, потому думалъ съ дружиною, судилъ людей; въ полдень ложился спать и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Съ ранней молодости стоялъ онъ на сторожѣ Русской земли, бился за нее съ погаными, за что, надобно замѣтить, онъ и пріобрѣлъ имя добраго страдальца за Русскую землю. При всей этой огромной и изумительной дѣятельности, которая не давала ему покоя, Мономахъ постоянно помнилъ о Богѣ: онъ часто, по ночамъ, вставалъ, чтобы молиться, сокрушаться о грѣхахъ и класть земные поклоны; мало того, — даже сидѣ на конѣ, онъ постоянно твердилъ молитвы и совѣтовалъ своимъ дѣтямъ, если они не знаютъ большой молитвы, то по крайней мѣрѣ, твердили бы втайнѣ безпрестанно: „Господи помилуй!“ „Все лучше“, прибавляетъ онъ, „нежели мыслити бездѣпницу“..

Можно было бы много характеристическихъ чертъ Мономаха вывести изъ его Поученія; но исполнѣ законченный, нравственный образъ этого великаго человѣка, надѣмся, не трудно будетъ составить на основаніи предлагаемаго ниже разбора глубоко прочувствованнаго и продуманнаго его произведенія. Для нашей цѣли было пока достаточно—замѣтить самыя яркія особенности нравственнаго характера автора Поученія и чрезъ то показать, что произведеніе исполнѣ достойно своего творца, а слѣдовательно, вѣтъ и быть уже не можетъ никакого повода къ сомнѣнію относительно Мономаха, какъ автора Поученія. Переходимъ теперь къ внѣшнему виду послѣдняго.

Поученіе Владиміра Мономаха написано въ формѣ заговѣщанія, обращеннаго преимущественно къ дѣтямъ его, хотя авторъ, какъ уже замѣчено было выше, имѣлъ въ виду и постороннихъ читателей, что

видно изъ его же собственныхъ словъ (дѣти мои, или *имѣ кто*, слышавъ сю грамотицю...). Завѣщанія отца своимъ дѣтямъ — какъ должно жить праведно и благоразумно, были въ обычаѣ древней жизни на Руси. Въ древнихъ сборникахъ отеческихъ сочиненій, весьма распространенныхъ въ старину, встрѣчается много подобныхъ завѣщаній, съ различными названіями, на примѣръ, такими: слово нѣкоего отца къ сыну, слово душеполезно, или просто поученіе дѣтямъ. Сюда же относятся слова и поученія, избранныя отъ святыхъ отецъ, како жити крестьяномъ, или какъ они называются иногда — слова о крестьянствѣ, о житіи христіанскомъ, содержаніе которыхъ, по характеру, сходно съ поученіями, подписываемыми: „къ дѣтямъ“. Во всѣхъ этихъ поученіяхъ находятся „наказанія“, наставленія во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, и такимъ образомъ они, уже самою формою, близко подходятъ къ наставленіямъ Мономахова Поученія. Общее содержаніе ихъ составляютъ наставленія о хожденіи въ церковь и поведеніи во время церковной службы, о домашней молитвѣ, о воспитаніи дѣтей, о почитаніи дѣтьми своихъ родителей, о содержаніи слугъ, о воздержаніи отъ лихоимства, о трезвости и т. п. Слова Мономаха, обращенныя къ дѣтямъ, въ которыхъ онъ указываетъ на характеръ своего Поученія; „се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину“ — сходны съ обращеніями въ другихъ подобныхъ поученіяхъ. „Сыну мой, чадо мое“, говорится въ „Словѣ нѣкоего отца къ сыну“, — „приклони ухо твое и послушай отца своего, совѣтующаго ти спасенная“¹⁾. Въ концѣ своего Поученія Мономахъ говоритъ о себѣ: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сътворилъ дѣла, на воинѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя. Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ“. Въ этихъ словахъ, Мономахъ въ собственномъ своемъ поведеніи хотѣлъ указать хорошій примѣръ своимъ дѣтямъ, для которыхъ онъ, по праву отца, могъ всегда служить примѣромъ. Въ такомъ же родѣ написано все поученіе какого-то Ксенофонта, „еже глагола къ сынома своимъ“. „Вѣста“, пишетъ Ксенофонтъ, обращался къ дѣтямъ, — „како въ житіи семь жихъ безъ лоуны, како отъ всѣхъ чыстьнъ бѣхъ и любимъ... не укорихъ никого же... не оставихъ церкви божия вечеръ, ни заутра, ни полоудце; не прѣзрѣхъ ништинихъ, ни оставихъ страпна“ и т. д.

¹⁾ Изъ Златой Цѣпи, см. Истор. Христ. *Буслаева*. М. 1861, стр. 482.

„Тако и вы живѣта чадѣ мои“, прибавляетъ Ксенофонтъ ¹⁾. Указанное поученіе Ксенофонта весьма древне какъ по языку, такъ и по тому еще, что оно найдено въ сборникѣ, извѣстномъ подѣ именемъ „Святославова“, 1076 года. Это обстоятельство приводитъ насъ къ убѣжденію въ несомнѣнномъ вліяніи Ксенофонтова поученія на Владиміра Мономаха, который, какъ извѣстно, писалъ свое Поученіе позже появленія Святославова сборника въ рукахъ грамотныхъ людей того времени ²⁾.

Въ Мономаховомъ Поученіи можно намѣтить три главныя мысли которыя авторъ старается развивать, имѣя въ виду начертать правила поведенія челоѣка-христіанина вообще и князи-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ *отношеніе челоѣка къ Богу*; вторая касается *отношенія между властію и подданными*; третья мысль указываетъ на *отношеніе челоѣка къ самому себѣ* и опредѣляетъ *взаимныя отношенія между людьми*. Общій составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: Въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія, и о которомъ мы говорили выше. Самое Поученіе

¹⁾ См. Истор. Христ. *Буслаева*, стр. 293.

²⁾ Поученіе Владиміра Мономаха, заимствуя форму, а отчасти и содержаніе изъ подобныхъ себѣ произведеній различныхъ древнихъ сборниковъ, въ свою очередь послужило основою Сильвестрова Домостроя, произведенія уже XVI вѣка. Это особенно видно изъ того, что наставленія Домостроя о домашней и церковной молитвѣ выражены почти словами Мономаха. И. С. Некрасову, спеціально изслѣдовавшему Домострой, почему-то не желательно видѣть въ Поученіи Мономаха главную основу Домостроя. «На основаніи Поученія Мономаха», говоритъ г. Некрасовъ, «мы можемъ составлять понятіе о лучшихъ древне-русскихъ князьяхъ — и только, тогда какъ Домострой обозначаетъ понятія гораздо большей части людей. А потому сочиненіе Мономаха служило весьма незначительнымъ источникомъ для выработки Домостроя». (Опытъ историко-литерат. изслѣд. о происх. Домостроя. М. 1873, стр. 131). Но основаніе, приводимое г. Некрасовымъ для подтвержденія своего мнѣнія, слишкомъ шатко, чтобы не сказать болѣе. Если на основаніи Поученія Мономаха можно составить понятіе «о древне-русскихъ князьяхъ — и только», вѣроятно — потому что поученіе написано княземъ, то отсюда и на основаніи Домостроя можно составить понятіе о священникѣ Сильвестрѣ и развѣ еще о другихъ священникахъ того времени — и только, потому что Домострой написанъ священникомъ. А между тѣмъ г. Некрасовъ въ Домострой видитъ характеристику *всего* русскаго общества XVI вѣка. Нѣтъ, Поученіе Мономаха рисуетъ намъ жизнь не однихъ только князей, но и жизнь и убѣжденія всего тогдашняго русскаго общества, и именно, какъ характеристика общества, Поученіе легко въ основу Домостроя, конечно — будучи переработано согласно съ жизнью и идеалами XVI вѣка.

начинается выписками изъ Псалтыри, за коими слѣдуютъ размышленія о величїи Божіемъ, далѣе—общія нравственныя наставленія, потомъ—особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдами, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту, между своими братьями князьями. Наконецъ, слѣдуетъ *автобіографію* Мономаха, въ которой находится много новыхъ обстоятельствъ, умолчанныхъ лѣтописями, а главное—представляется общее изображеніе книжеской жизни того времени, домашнія запятїя, хозяйственныя распоряженія, безпрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество. Впрочемъ эта послѣдняя часть Поученія всего меньше имѣетъ значенія для нашей цѣли—изображенія внутренней религіозно-нравственной жизни и возрѣвнїи на Руси, такъ какъ эта часть касается *исключительно* внѣшняго быта князей того времени.

II.

Отношеніе человѣка къ Богу.

Человѣкъ по отношенію къ божеству въ русскомъ язычествѣ.—Вопросъ о томъ же и стремленіе къ его разрѣшенію со времени введенія на Русь христіанства.—Пр. Иларіонъ. — Пр. Феодосій Печерскій. — Болѣе удовлетворительная попытка къ рѣшенію этого вопроса у Мономаха. — Въ началѣ поученія выписки изъ Псалтыри.—Псалтырь—любимая книга древней Руси.—Житія святыхъ.—Древне-отеческія писанія въ старинныхъ сборникахъ. — Аскетическое направленіе въ этихъ сборникахъ. — Увлеченіе общества такимъ направленіемъ.—Слѣды этого направленія въ Поученіи Мономаха. — Шестодневъ Василія Великаго въ переводѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго.—Вліяніе Шестоднева на Поученіе.—Вліяніе аскетическихъ произведеній Василія на Поученіе.—Монашескіе идеалы русскаго общества до-татарской эпохи.—Крайности этихъ идеаловъ.—Мономахъ сознаетъ эти крайности.—Русская проповѣдь приходитъ къ такому же сознанію.—Покаяніе, слезы и милостыню предлагаетъ Мономахъ въ замѣнъ аскетическихъ подвиговъ.—Русская проповѣдь о милостыни.—Раздвоенность въ нравственной жизни общества, какъ результатъ увлеченія тогдашними идеалами. — Церковно-взыдательная литература того времени отчасти ослабляетъ таковой раздвоенности. — Житіе пр. Никиты Перелаславскаго. — Причина неудовлетворительности монашескаго идеала для общества.

Мысль Мономаха—указать, и по возможности, опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу,—мысль весьма важная для того времени, когда Русь только что приняла христіанство, только что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій. Во времена господства язычества отношенія человѣка къ божеству обык-

новенно биваютъ слишкомъ внѣшни, формальны; человекъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ-либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Изычество вообще характеризуется, какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ внѣшнюю природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ въ ней такія же произвольныя желанія, какія онъ сознаетъ въ себѣ. Но въ то же время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и всевластною, а потому боится ея и спѣшитъ умилостивить чисто внѣшнимъ образомъ—жертвами; съ другой стороны—въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человекъ имѣетъ силу покорять природу: такую силу, по мнѣнію народа, имѣютъ только чародѣи, люди вѣщіе, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человекъ то униженно склонялся передъ природою, то сознавалъ себя надъ нею могущественнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклоняться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея рока, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ—„богатыми“, другіе—„убогими“—слово, означающее отверженца боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединяли съ непосредственнымъ вліаніемъ звѣздъ и планетъ; въ послѣдствіи звѣзды превратились въ „роженицъ“ или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее ¹⁾).

Съ принятіемъ на Руси христіанства, явилась пужда—опредѣлить отношеніе человека къ Божеству, основанное на христіанскихъ началахъ, явилась необходимость разъяснить новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру существо, которое, въ свою очередь, требуетъ не пустаго формальнаго отношенія къ нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности его волѣ. Еще до Мономаха были люди, которые старались проводить въ среду тогдашняго общества такую мысль. Такъ, митрополитъ Иларіонъ (1051—1054), въ извѣстномъ своемъ Словѣ

¹⁾ См. *Афанасьевъ*, Повт. возвр. Слав. на природу, т. 3, гл. XXV.

о законѣ и благодати старается изъ догмата о двухъ естествахъ во Христѣ—божескомъ и человѣческомъ, вывести идею о необходимости для христіанина внутренняго сердечнаго общенія съ Божествомъ. Эта же мысль сквозитъ въ той части его слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ христіанской религіи сравнительно съ язычествомъ ¹⁾. „Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ“, говоритъ пр. Феодосій Печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій ²⁾, желая провести ту же мысль. Кромѣ Иларіона и Феодосія, мысль о необходимости духовнаго отношенія человѣка къ Богу проводилась и еще нѣкоторыми проповѣдниками, жившими до Владиміра Мономаха; но при всемъ томъ приходится сознаться, что русская проповѣдь того времени слишкомъ мало обращала вниманія на этотъ важный вопросъ. Потому ли, что сами русскіе проповѣдники смутно и неясно понимали его, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, — только они главнымъ образомъ направляли свою проповѣдь съ обличеніями противъ пороковъ, сильно развитыхъ въ обществѣ или же призывали вѣрующихъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія, какъ-то: къ соблюденію постовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіанинъ долженъ относиться къ Богу, они упоминали только изрѣдка вскользь. Первую болѣе или менѣе удовлетворительную попытку къ рѣшенію этого важнаго вопроса встрѣчаемъ мы въ Поученіи Владиміра Мономаха. Мы называемъ эту попытку Мономаха въ томъ смыслѣ удовлетворительною, что она рѣшаетъ указанный вопросъ не теоретически-отвлеченно, какъ напримѣръ, у Иларіона, и потому едва-ли понятно для большинства, а практически, наглядно, примѣнительно къ непосредственному сознанію простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Мономаха можно включить въ число тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильнѣе и чище остальнаго общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того, что христіанство Владиміра Мономаха было не обрядовое, а дѣятельное. Отъ совѣта о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды—и говоритъ: „всего же ваче убогихъ не забывайте“. Человѣкъ съ такими, истинно-христіанскими понятіями не могъ не замѣтить, въ чемъ особенно нуждается современное ему общество, не могъ не понять, что это общество совсѣмъ

¹⁾ См. *Шевырева*, Ист. Р. Литер., т. II, стр. 25.

²⁾ См. тамъ же, т. II, стр. 46.

не знаетъ свойствъ христіанскаго Бога, отъ чего отношенія чловѣка къ Божеству являются внѣшними, а не живыми, полными любви и преданности. Вотъ почему Мономахъ такъ обстоятельно посвящаетъ первую часть своего Поученія разъясненію внутренняго смысла и значенія христіанской религіи, дѣлая все это не въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ началѣ Поученія авторъ высказываетъ свои мысли исключительно словами нѣкоторыхъ псалмовъ. Такъ, слѣдующими словами ХLI псалма (12 ст.) начинается свою рѣчь Мономахъ: „вскую печальна еси душе моя? вскую смущаеши мя?—Упова ¹⁾ на Бога, яко исповѣмся ему“. Авторъ совѣтуетъ въ печальныхъ обстоятельствахъ жизни уповать на Бога, обращаясь къ нему чистосердечно за помощію. Если Мономахъ въ несчастіи обращается къ Богу, то значить, онъ признаетъ эти несчастія исходящими отъ Бога, во власти котораго ниспослать или прекратить ихъ. Еще раньше Мономаха, пр. Феодосій Печерскій, въ одномъ изъ первыхъ своихъ поученій (о казняхъ Божіихъ), старался провести новую для языческаго общества мысль, что народныя бѣдствія, какъ голодъ, нашествіе поганыхъ и т. п., посылаются Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Въ лѣтописяхъ проводится часто та же самая мысль, особенно подъ 1066 годомъ, по поводу нашествія Половцевъ ²⁾. Въ старинныхъ сборникахъ поученій можно найти, между прочимъ, слово „иже не отчаятиса въ бѣдѣ“, въ которомъ проповѣдникъ, обращаясь къ людямъ, находящимся въ бѣдѣ, говоритъ имъ: „благодарите Бога и уготовите душу си во искушеніе, а сердце свое терпѣти болѣзни. Егда бо что сътвори добро, а зло приметъ—упованіе не отчайся.. по паче утвердися покаяніемъ: велика бо добродѣтель предъ Богомъ, иже во искусѣхъ не стужати“ ³⁾. Мысль, что бѣдствія ниспосылаются Богомъ, и что поэтому не нужно отчаяваться, но сильнѣе и сильнѣе уповать на милость Бо-

¹⁾ Въ новѣйшихъ изданіяхъ Псалтири стоитъ: *уповаи на Бога*. Это показываетъ, что слово *упова* нужно понимать не въ смыслѣ прошедшаго времени, а въ смыслѣ повелит. наклоненія. Въ изд. Лавр. лѣт. 1872 г. (подъ ред. ак. *Вичкова*) въ текстѣ Поученія поставлено прямо *уповаи*, при чемъ буква *и* напечатана въ скобкахъ: значить, этой буквы въ подлинникѣ не достаетъ, можетъ-быть, по ошибкѣ переписчика.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 72. «Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему мноплеменьми на землю... Земли же согрѣшивши которѣи любо, казнить Богъ смертію, ли гладомъ, ли наведенъемъ поганыхъ»...

³⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлов. библ. за № 20/1115, л. 83 об.

жю,—эта мысль имѣла высокой нравственный смыслъ, необходимый для успокоенія измученныхъ бѣдствіями людей эпохи. Она одна только могла поддерживать и возбуждать духъ народа, упавшій подъ тяжестью борьбы не только съ внѣшними врагами (Печенѣги, Половцы), но и съ внутренними неустройствами, этими постоянными распрями и междоусобіями удѣльнаго періода.

Далѣе, авторъ словами псалма XXXVI (ст. 1, 9—17, 19, 21—27) старается показать, что люди *терпящіе Господа*, то-есть, терпѣливо сносящіе земныя бѣдствія, возобладаютъ землею, и что Господь унижаетъ грѣшниковъ и возвышаетъ праведниковъ. Господь постоянно милостивъ къ праведному и поддерживаетъ его рукою своею въ минуту несчастія. Никогда не бывало, чтобы праведникъ былъ оставленъ Богомъ, и чтобы потомство его нуждалось въ насущномъ хлѣбѣ¹⁾. Изъ псалмовъ LV (ст. 1—2), LVII (ст. 11—12), LVIII (ст. 1—4), и LXIII (ст. 3) авторъ заимствуетъ выраженія, въ которыхъ заключаются молитвенныя воззванія къ Богу объ избавленіи отъ нападенія враговъ. Словами же псалмовъ LXII (ст. 4—5) и XXIII (ст. 2) авторъ прославляетъ Бога за Его милости²⁾. Нѣтъ нужды говорить, какъ много значили такія утѣшительныя мысли псалмопѣвца для скорбной души тогдашняго русскаго человѣка, какъ много смягчали онѣ житейскія невзгоды русскаго народа, находящагося въ весьма неблагоприятныхъ соціальныхъ условіяхъ, при повсемѣстномъ отсутствіи въ немъ правильныхъ юридическихъ понятій, когда право сильного носило характеръ почти законности, такъ что враги, объ избавленіи отъ которыхъ авторъ проситъ Бога, всегда и вездѣ могли найдтись при обыкновенныхъ, всеневныхъ людскихъ отношеніяхъ. Если между князьями,—людьми, бесспорно, болѣе развитыми, и слѣдовательно, болѣе гуманными, нежели остальное русское общество того времени (исключая развѣ духовенство),—возможенъ былъ такой возмутительный фактъ, какъ ослѣпленіе Василька его двоюродными братьями-князьями же, то что сказать объ остальной массѣ? Полное неуваженіе къ правамъ отдѣльныхъ лицъ и даже непониманіе возможности такихъ правъ, соединенное съ стремленіемъ жертвовать чужими интересами въ пользу своихъ,—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ характе-

¹⁾ См. текстъ Поученія, начиная со словъ: «но реннуй лукавующимъ»... и т. д., до словъ: «и живи въ вѣки вѣка»—включительно.

²⁾ См. текстъ Поученія, начиная со словъ: «всегда стати человѣкомъ»... до словъ: «благословлю Господа на всяко время выну, хвала его» и прочая—включительно.

ризуется тогдашнее русское общество, какъ и всякое другое, полу-развитое общество.

Выписки изъ Псалтири, встрѣчающіяся въ Поученіи Мономаха, свидѣтельствуютъ о томъ, что Псалтирь была весьма распространена и пользовалась особенною любовію между грамотными людьми того времени. Еще пр. Θεодосій совѣтовалъ „бодру быти на пѣнье церковное и на преданья отечская и почитанья книжная, паче же имѣти въ устѣхъ псалтирь Давидовъ подобаеть“ ¹⁾. Про него же разказываетъ Несторъ (въ житіи Θεодосія), что часто обнаженный выходилъ онъ по ночамъ изъ пещеры: оводы и комары до крови кусаютъ тѣло, онъ же „руками волну прядий, усты же псалтирь Давидову поетъ“ ²⁾. Псалтирь въ древности была въ такомъ употребленіи, что по ней обыкновенно начинали учить дѣтей грамотѣ, къ ней обращались, ища утѣшенія въ житейскихъ невзгодахъ, и наконецъ, ее же читали надъ покойникомъ. Но и вообще всѣ библейскія книги не были незнакомы грамотнымъ людямъ древней Руси. Многочисленные тексты, приводимые почти изъ всѣхъ библейскихъ книгъ пр. Несторомъ, м. Иларіономъ, пр. Θεодосіемъ, черноризцемъ Іаковомъ и др., достаточно ручаются за справедливость такого мнѣнія. Въ Патерикѣ Печерскомъ разказывается про одного затворника, подвизавшагося въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ (до 1096 г.), что „не можаше никто же стязатися съ нимъ книгами ветхаго заветъа; весь бо изусть *умъаше*: Бытіе, Исходъ, Левгиты, Числа, Судія, Царства и вся пророчества по чину, и вся книги жидовьскія свѣдаше добръ“ ³⁾. Этотъ разказъ, подтверждающій приведенное мнѣніе, въ то же время показываетъ, что самый кругъ библейскихъ книгъ былъ почти полный. Кромѣ Библии, въ большемъ употребленіи были житія святыхъ, о которыхъ ясно упоминаетъ пр. Θεодосій въ одномъ изъ своихъ поученій, когда, обличая братію, говоритъ: „житія бо святыхъ почитающе и отъ тѣхъ затыкающе уши своя, яко не слышати мужества ихъ“ ⁴⁾.

Но самымъ любимымъ чтеніемъ, если судить по числу сохранившихся до нашего времени сборниковъ, были отеческія писанія, которые были въ огромномъ числѣ переводимы съ греческаго языка, или привозимы изъ Волгаріи. Всѣ поученія этихъ сборниковъ, носящихъ различныя

¹⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 79.

²⁾ См. Патерикъ Печерскій. У насъ подъ руками былъ Патерикъ, изданный при Иногентіи Гизелѣ, въ 1661 году.

³⁾ См. *Макарія*, Ист. русск. церк. т. II, стр. 165.

⁴⁾ Тамъ же.

названія (Златоструй, Измарагдъ, Матица Златая, Златая Цѣпь), характеризуются преимущественно *аскетическимъ направлениемъ*. Только что оставившіе язычество, съ его чисто животною, чувственною жизнію и грубыми страстями, русскіе люди съ благоговѣніемъ и удивленіемъ останавливались передъ новыми для нихъ и изумительными аскетическими правилами жизни, предлагаемыми въ этихъ поученіяхъ. На встрѣчу богатырю, безнаказанно дающему волю своимъ страстямъ, выходилъ въ нихъ воображеніи другой богатырь—монахъ, облеченный правственною силою, съ подвигами самоумерщвленія. Поражаемые до глубины души, они зачитывались подобными поученіями, погружались воображеніемъ въ неизвѣстную дотолѣ имъ жизнь и полную аскетическихъ подвиговъ и самосозерцанія. Подобно своимъ современникамъ, и Владиміръ Мономахъ подвергся сильному вліянію подобнаго рода аскетическихъ произведеній древне-отеческой литературы. Особенно большое сочувствіе обнаруживаетъ онъ въ своемъ Поученіи въ твореніямъ Василія Великаго, который извѣстенъ, какъ строгій подвижникъ. Знакомство Мономаха съ твореніями Василія Великаго указываетъ на то, что эти творенія достаточно были распространены между русскими грамотными людьми древности. До насъ сохранился замѣчательный сборникъ поученій, переведенный съ греческаго для Болгарскаго царя Симеона (889—927 гг.) и потомъ переписанный въ Россіи для великаго князя Святослава въ 1073 году и извѣстный подъ именемъ сборника Святославова. Въ немъ, кромѣ твореній Аонасія Великаго, Григорія Писскаго, Іоанпа Златоуста, Іустина Философа и другихъ учителей церкви, весьма много находится произведеній Василія Великаго. Сохранился до насъ еще другой, Святославовъ же, сборникъ 1076 года, въ которомъ также можно встрѣтить труды Василія. Впрочемъ, значительное количество поученій съ именемъ Василія находится, сверхъ указанныхъ, еще во многихъ другихъ сборникахъ, напримѣръ, въ Златой Цѣпи, Измарагдахъ и проч. Кромѣ того, въ Россіи существовалъ Шестодневъ Василія Великаго, переведенный, хотя и не въ полномъ видѣ, Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ. Въ Московской синодальной бібліотекѣ, встрѣчаются списки Шестоднева XV вѣка, что даетъ право заключать, что эти списки были въ рукахъ русскихъ людей уже съ древнихъ временъ. Касательно перевода Шестоднева нужно прибавить, что его нельзя назвать въ полномъ смыслѣ переводомъ съ подлинника. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Калайдовичъ: „Экзархъ Болгарскій, положивъ въ основаніе трудъ Василія Великаго и поль-

зуюсь руководствомъ другихъ писателей, составилъ собственное разсужденіе по сему предмету, которое сохранилось въ древнемъ спискѣ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Шестоденъ, съпсано Іоаномъ, презвитеромъ эзархомъ, отъ святаго Василия, Іоана (Златоуста) и Сеуріана (Северіана, епископа Гевальскаго) и Аристотеля Философа и ихъ“ ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ духъ произведеній Василия Великаго не могъ не сохраниться и въ такой передѣлкѣ Шестоднева, какою дозволилъ себѣ Іоаннъ, эзархъ Волгарскій.

Мы замѣтили выше, что творенія Василия Великаго пользовались особеннымъ сочувствіемъ Владиміра Мономаха. Это ясно усматривается изъ характера Поученія Мономаха. То же сочувствіе къ природѣ, какое встрѣчаемъ въ твореніяхъ Василия, особенно въ его Шестодневѣ, замѣтно и въ Поученіи Владиміра. Восхищенный премудрымъ устройствомъ природы, Мономахъ восклицаетъ: чудны дѣла Твои, Господи, и никакой разумъ не въ состояніи прославить чудесъ Твоихъ! И кто не-похвалитъ, продолжатъ Мономахъ, и не прославить такихъ „великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды и тма, и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье разноличнѣ, и птица и рыбы, украшено твоимъ промысломъ, Господи!“ ²⁾. Вглядываясь въ премудрое и дивное устройство міра, Владиміръ особенно пораженъ разноличіемъ человѣческаго образа; если бы міръ весь совокупить, говоритъ онъ, то всякій изъ насъ предсталъ бы съ своимъ особеннымъ лицомъ по мудрости Божіей ³⁾. Подѣ впливіемъ какого-то особеннаго поэтическаго вдохно-

¹⁾ *Калайдовичъ*, Іоан. Эвз. Волгар. М., 1824, стр. 59.

²⁾ Въ подлинномъ Шестодневѣ Василия Великаго есть тирада, сходная съ приведеннымъ мѣстомъ Поученія: «Вотъ передъ тобою небо украшенное, облеченная въ убранство земля, море, изобилующее свойственными ему порожденіями, воздухъ, наполненный летящими птицами! Все... приведенное Божіимъ повелѣніемъ изъ небытія въ бытіе... и потому во всемъ, изучишь премудрость Божію, не переставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!» (Творенія свв. отцевъ т. V, твор. Вас. В. т. I, «Всѣмъ на Шестодневъ», стр. 150). Въ другомъ мѣстѣ Василій Великій, удивляясь премудрости твореній, восклицаетъ: «Какого слова будетъ достаточно на сіе?! Какой слухъ вмѣститъ это?! Достанетъ ли времени описать и повѣдать всѣ чудеса художника? Скажемъ и мы съ пророкомъ: яко возвеличашася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси» (ис. 103, 24). (Тамъ же, стр. 163).

³⁾ Буквальный текстъ такъ читается: «Аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лицъ образомъ, по Божіи мудрости». Ва-

венія, Мономахъ вдругъ начинаетъ говорить о птицѣ небесныя (то-есть, и тѣ же птицы небесныя) умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоуть, и человекы веселать Тобѣ; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмъють“¹⁾). Здѣсь ясно видно благочестивое созерцаніе природы, настроенное чтеніемъ твореній Василия Великаго. Но въ приведенныхъ нами мѣстахъ Поученія отразилось, какъ мы уже сказали, преимущественно вліяніе Шестоднева Василия — произведенія болѣе поэтическаго, нежели аскетическаго, такъ свойственнаго этому отцу церкви. Теперь мы перейдемъ къ той части Поученія, въ которой замѣтно вліяніе твореній Василия съ аскетическою тенденціей.

„Яко же бо Василій учаше“, говоритъ Мономахъ, прямо указывая, откуда онъ заимствуетъ дальнѣйшія мысли — „сбравъ ту уноша, душа чисты, нескверны, тѣлеси худу, кротку бесѣду и въ мѣру слово Господне, яди, питью безъ лица велика быти...“ Далѣе авторъ почти буквально списываетъ отрывокъ изъ одного поученія Василия Великаго, опредѣляющаго правила монашеской жизни, что видно изъ слѣдующаго подписанія этого поученія въ нѣкоторыхъ древнихъ сборникахъ: слово святаго Василья: „како есть лѣпо чернуду быти“²⁾). Это поученіе Василия почему-то особенно нравилось русскимъ людямъ древней Руси, такъ такъ оно попадаетъ не только въ сборникъ XI вѣка (сборникъ Святославовъ 1076 года), но и въ сборникахъ XIV, XV и даже XVI вѣковъ. Мы приводимъ одинъ отрывокъ этого поученія въ нѣсколькихъ древнихъ редакціяхъ для сравненія его съ текстомъ Мономахова Поученія:

силій Великій говоритъ: «И цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, связалъ Богъ какимъ-то неразрывнымъ союзомъ любви въ единое общеніе и въ единую гармонию, такъ что части, по положенію своему весьма удаленныя одна отъ другой, кажутся соединенными посредствомъ симпатіи». (Тамъ же, стр. 25).

¹⁾ Василій Великій говоритъ: «Однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а другія молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса; другія, совсѣмъ не имѣютъ музыкальности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть» (см. Твор. Василия Великаго т. I, стр. 142—143). 8-я бесѣда на Шестодневъ посвящена Василиемъ Великимъ изображенію нравовъ и обычаевъ птицъ съ выводомъ нравственныхъ правилъ для поведенія человека (см. тамъ же, стр. 136—157).

²⁾ См. рукописный сборн. Кирилло-Бѣлозерской библ., за №^{12/1000}, л. 1—3.

<p>Изъ сборника XV вѣка Кирилло-Бѣлов. библ. за № 13/100, л. 1—3.</p>	<p>Изъ рукописи «Златая Цѣпь» XIV вѣка (л. 41 об.), хранящейся въ Имп. Публ. Библ.</p>	<p>Изъ сборника Святослава 1076 г.</p>	<p>Изъ Поученія Мономаха.</p>
<p>Предъ старци молчаніе и мудрѣйшихъ послушати. с точными любовъ имѣти. с меньшими любовное свиданіе. отъ плотскихъ и любосластныхъ бѣгати. малоглавовати и множай разувѣвати. не дерзну быти, словомъ ни пререкovati въ рѣчехъ, не скоро въ смѣхъ впадати, а душу горѣ, не противо отвѣщевати и т. л.</p>	<p>Предъ старци молчаніе, предъ мудрѣйшими молчаніе и послушаніе, с подобными любовъ имѣти, с меньшими любовное свиданіе и наказаніе; плотскихъ любосластныхъ вѣщати бѣгати, мало главовати, а болѣ разувѣвати, не дерзну быти, словомъ ни пререкати, въ рѣчехъ не скоро въ смѣхъ впадати; соромаживу быти, очи долу имѣти, а душу горѣ, не отвѣщевати противу и т. л.</p> <p>(См. <i>Буслаевъ</i>, Историч. очерки русск. народн. слов. и искусства. Спб., 1861, т. I, стр. 574).</p>	<p>Предъ старци мъчание, предъ мудрыми послушаніе. съ тѣсными любовъ имѣти. съ меньшими любовное свиданіе. Отъ плотскихъ и любосластныхъ вѣщати бѣгати. мало главовати. а множайе разувѣвати. не дерзну быти съвоми. ни прѣрѣковати въ людехъ. Не скоро въ смѣхъ впадати, соромаживу быти. долу очи имѣти. а—го рѣ. Не противу отвѣщевати и т. л.</p> <p>(См. <i>Изв. Имп. Акад. Наукъ</i>, по отд. русск. яз. ч. слов. т. X, стр. 431).</p>	<p>При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшихъ покорятиса, съ точными и меньшими любовъ имѣти; безъ лжи бѣсѣдующе, а много разувѣтати; не сверѣшовати словомъ, ни худити бѣсѣдою, не обману смѣятиса, срамлятиса старѣйшихъ, къ женамъ нечестныхъ не бѣсѣдovati, долу очи имѣти, а душу горѣ, преблагати, не старѣати учить, легкомыслие имѣти ни въ кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь....</p>

Содержаніе поученія Василія Великаго, отрывокъ изъ котораго выписанъ Владиміромъ Мономахомъ, очевидно, строго аскетическаго характера. Очевидно также, Василій Великій писалъ это поученіе, имѣя въ виду не обыкновенныхъ мірскихъ людей, обращающихся въ круговоротъ повседневныхъ житейскихъ отношеній, а иноковъ, людей удалившихся міра и общественныхъ обязанностей съ цѣлю высшаго нравственнаго самоусовершенствованія¹⁾; иначе странно было бы требовать отъ мірскихъ людей, чтобъ они „не противу отвѣщевали“, чтобъ они постоянно „долу очи имѣли“ и т. п. А Владиміръ Мономахъ, между тѣмъ, имѣетъ въ виду, конечно, предложить эти правила поведенія людямъ, живущимъ общественной жизнью, людямъ мірскимъ. Въ этомъ случаѣ Мономахъ отдалъ дань своему вѣку, тѣсно примыкая къ воззрѣніямъ своихъ современниковъ. Всякая отдѣльная эпоха въ жизни народа имѣетъ свои идеалы и своихъ героевъ, которые въ своей жизни стараются болѣе или менѣе воплотить эти идеалы въ дѣйствительность. Изучая эти идеалы, мы познаемъ тѣ идеи, до которыхъ была въ состояніи доработаться извѣстная эпоха. Мы уже выше указали на то, что особенно удивляло и поражало воображеніе русскаго человѣка, только что отказавшагося отъ чувственнаго язычества, когда онъ сталъ вникать въ проповѣдь новой религіи: это требованіе полнѣйшаго самоотрицанія, требованіе отказаться отъ всѣхъ земныхъ радостей и привязанностей, съ предложеніемъ въ замѣнъ того удаленія отъ міра и умерщвленія плоти. Сначала удивленные и пораженные подобными, новыми для нихъ, требованіями отъ жизни, русскіе люди стали постепенно свыкаться съ ними и считать ихъ за норму истинной жизни, особенно взявъ во вниманіе дѣйствительно неудовлетворительное состояніе ихъ настоящей жизни, полной внутреннихъ неурядицъ. Разъ утвердившись въ мысли, что такая строго аскетическая, удаленная отъ тревоженій мірскихъ, монашеская жизнь есть нормальная, они возвели ее въ идеаль. Вслѣдствіе того, жизнь и дѣянія въ высшей степени строгихъ подвижниковъ, Печерскихъ угодниковъ, сдѣлались идеалами до-татарской эпохи; сами угодники стали героями этой эпохи, которымъ фантазія дала все, чѣмъ владело общество. Въ разказахъ о нихъ, о цѣляхъ, къ которымъ они

¹⁾ Въ современномъ русско-мъ переводѣ съ греческаго подлинника твореній Василія Великаго—это поученіе надписывается: «Слово о подвижничествѣ; чѣмъ должно украшаться монаху?» (см. Твор. свв. оо. т. IX, твор. Вас. Веа. т. V. М., 1847 г., стр. 64).

стремились, выражается вся умственная жизнь до-татарскаго времени, вмѣстѣ съ возвышеннѣйшими его стремленіями и свойственными ему красками. Такъ, въ житіи пр. Моисея Угрина (находится въ печатныхъ патерикахъ) выражается идея презрѣнія къ супружеству, и такимъ образомъ жизнь дѣвственника возводится въ идеаль. Въ Моисея Угрина была влюблена одна богатая Полька и хотѣла выйти за него замужъ. Но святой мужъ отказалъ ей. Напрасно она истощала свои ласки, напрасно старалась прельстить его своимъ богатствомъ: онъ оставался непреклоненъ и въ скоромъ времени даже принялъ иноческій чинъ. Оскорбленная такимъ невниманіемъ къ ней со стороны Моисея, Полька рѣшилась наконецъ отмстить святому, приказавъ своимъ слугамъ насильно оскотить его. Оправившись послѣ этого, пр. Моисей пришелъ въ пещеру пр. Антонія и здѣсь десять лѣтъ подвизался въ иноческихъ подвигахъ. Идея презрѣнія къ богатству выступаетъ во всѣхъ житіяхъ. Святому Агапиту одинъ богатый человѣкъ за исцѣленіе припесъ золото. Святой, сначала отказывавшійся, согласился принять золото только послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ этого человѣка; но вышедши изъ кельи, тотчасъ же разбросалъ его.

Владиміръ Мономахъ не ограничился выпиской аскетическихъ правилъ жизни для назиданія общества только изъ поученія Василія Великаго; онъ и самостоятельно предлагаетъ наставленія въ томъ же смыслѣ. „Научися, вѣрный человѣче“, говоритъ Мономахъ, „быти благочестно дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поробощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради: лишаемъ не мсти, ненавидимъ любо гонимъ терни, хулимъ моли, умертви грѣхъ“.... Но справедливость требуетъ сказать, что Мономахъ, раздѣляя воззрѣнія современниковъ, какъ сынъ одного съ ними вѣка, какъ продуктъ однихъ и тѣхъ же съ ними условій жизни, въ то же время не могъ не замѣтить, хотя смутно и неясно, крайностей идеаловъ эпохи. Несомнѣнно, онъ стоялъ въ ряду передовыхъ людей своего времени, уровень понятій которыхъ былъ несравненно выше уровня понятій окружающей ихъ среды. Передовой человѣкъ не могъ не задаться вопросомъ: если всѣ будутъ отвращать взоры отъ общественной жизни, общественной дѣятельности, чтобы безпрепятственнѣе устремляться за предѣлы этого міра съ цѣлю внутренняго самоуглубленія и аскетическихъ подвиговъ, то чтѣ станется съ государствомъ? Если всѣ захотятъ быть иноками и

пожелаютъ запереться въ стѣнахъ монастырей, то въ какое состояніе прійдетъ экономическій бытъ страны, кто будетъ защищать интересы страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ? Продолжая глубоко сочувствовать идеаламъ своихъ современниковъ, Мономахъ, какъ передовой человѣкъ, въ то же время понялъ — какъ ужасны могутъ быть послѣдствія излишняго увлеченія этими идеалами, и въ своемъ Поученіи онъ старается предохранить общество отъ такого увлеченія. Чтобы люди не думали, что только въ одномъ монастырѣ и исключительно одними тяжелыми ипоческими подвигами можно угодить Богу и спастись, Мономахъ прежде всего указываетъ на долготерпѣніе Божіе: Господь наши согрѣшенія долготерпитъ, и „яко отецъ чадо свое любя... пакы привлечь е къ собѣ“, такъ и Богъ даруетъ намъ спасеніе. Далѣе онъ говоритъ, что тремя добрыми дѣлами можно получить спасеніе: *покаяніемъ, слезами и милостынею*. „Да... дѣти мои“, восклицаетъ онъ, „не тяжка заповѣдь Божія, оже тѣми дѣлами тремя избыти грѣховъ своихъ и царствія (небеснаго) не лишитися“. Затѣмъ онъ ясно указываетъ на общій взглядъ тогдашняго общества, что монастырь есть исключительное убѣжище отъ грѣховной жизни, а удрученіе плоти — единственное средство спасенія. „А Бога дѣла не лѣнитися“, говоритъ онъ, „молю вы ся не забывайте трехъ дѣлъ тѣхъ (то-есть, покаянія, слезъ и милостыни): не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко иніи добріи терпятъ; но малымъ дѣломъ улучшить милость Божию“. Очевидно, этими послѣдними словами Мономахъ хотѣлъ показать, что человѣкъ, я живя въ мірѣ, въ обществѣ, не теряетъ возможности идти по пути нравственного самоусовершенствованія, и если захочетъ, можетъ и въ мірѣ пайти средства ко спасенію.

Впрочемъ, не одинъ Мономахъ понималъ крайности идеаловъ общества. Русская проповѣдь того времени, которой принадлежитъ честь въ высшей степени глубокаго и вѣрнаго пониманія общественныхъ нуждъ и потребностей, и которая зорко слѣдила за всѣми симпатіями общества, также не осталась равнодушною при видѣ крайней идеализаціи ипоческой жизни до забвенія необходимости участія въ служеніи обществу и государству и тотчасъ же отоввалась, какъ скоро поняла аномальность подобнаго явленія. До насъ дошло слово „О глаголющихъ, яко нѣсть можно спастися живущимъ въ міру“, въ которомъ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „аще и въ міру, братіе, живемъ, да не отчаемся своего спасенія.. будемъ податливи и милостиви къ бѣднымъ и немощнымъ излишними своими; а тѣхъ бо

дѣля (ибо ради ихъ) Богъ и излишнее намъ поручилъ "...¹⁾). Въ другомъ словѣ: „О милостивѣ“ прямо и категорически говорится, что мірянинъ не лишится царства небснаго: „въ міру живый—не будешь лишень царства небснаго“. Только „щедръ и милостивъ буди“, прибавляетъ авторъ, — „имѣнія не скривай“²⁾). Во всѣхъ, приведенныхъ нами сейчасъ, словахъ проповѣди сквозить та мысль, что для живущаго въ мірѣ, и слѣдовательно, занимающагося увеличиваніемъ законнымъ образомъ своего благосостоянія,—будетъ ли то торговля, хлѣбопашество или еще что-нибудь,—возможно спасеніе, такъ какъ при значительномъ благосостояніи человѣкъ можетъ удѣлять свои прибитки въ пользу неимущихъ, чрезъ что прямо исполняетъ заповѣдь Господню о милостивѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшаетъ экономическій бытъ страны, и слѣдовательно, приноситъ пользу обществу и государству.

Но не столько опасенія за будущность государства вызывали русскую проповѣдь того времени вооружаться противъ общаго взгляда на монастырь, какъ на единственный якорь спасенія, сколько развившаяся вслѣдствіе такого взгляда совершеннѣйшая раздвоенность въ нравственной жизни общества: человѣкъ внѣ монастыря почти не считалъ грѣхомъ руководиться сильнѣйшимъ эгоизмомъ, постоянно держа въ умѣ намѣреніе при концѣ жизни переступить монастырскій порогъ и тамъ совершенно отказаться отъ этого эгоизма. Увѣренный въ томъ, что, живи въ мірѣ, онъ никакимъ образомъ не спасется, такъ какъ спасеніе возможно исключительно въ монастырѣ, человѣкъ начиналъ предаваться всѣмъ необузданностямъ, удовлетворяя своимъ страстямъ, надѣясь при концѣ жизни, въ иноческой одеждѣ, замолить свои грѣхи. Стремленіе въ монастырь, въ силу такихъ побужденій, было развито не только у простыхъ русскихъ людей того времени, но даже у князей, которые, по своему высокому положенію пользуясь большими удобствами жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяли себѣ больше другихъ удовлетворить своимъ страстямъ, а приближаясь къ гробу, вспоминали грѣхи, содѣянные ими въ продолженіе всей жизни, и принимали иноческій образъ, увѣренные въ томъ, что самое принятіе иночества уже заглаживаетъ ихъ грѣхи. Такъ, про князя Давида Смоленскаго († 1197 г.) лѣтописецъ говоритъ, что онъ не-

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлос. библи. за № 22/1115, л. 9, об.

²⁾ Тамъ же, л. 77, об.

редъ кончиною „постригъся и въ скимѣ (скимѣ) былъ“ ¹⁾. Давидъ Муромскій († 1228 г.) также умеръ „въ чернцихъ и въ скимѣ“. „Того же лѣта преставися Мстиславъ Мстиславичъ“, также будучи „въ чернцихъ и въ скимѣ“ ²⁾. Кромѣ нихъ, лѣтописи указываютъ на Святослава Кіевскаго (1194), Всеволода Мстиславича (1195) и Владиміра Всеволодовича (1227), принявшихъ такимъ же образомъ монашество. Но мало того, что князья передъ смертію постригались въ монахи; княгини отпрашивались у мужей „отпустить ихъ по свѣту“, чтобъ отыскивать себѣ обитель для затворничества. „Того же лѣта“, говоритъ лѣтописецъ, „Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, восхотѣвши ей въ монастырь, и дасть ей надѣловъ много“, и она „иде въ Муромъ къ брати и пострижеса“ ³⁾. И это не одинъ примѣръ. Такъ, извѣстно, что Марія, супруга великаго князя Всеволода, постриглась (въ 1206 г.) въ монахини, а также супруга Давида Смоленскаго и супруга Рюрика Кіевскаго умерли монахинями.

Тотъ же взглядъ, что, живя въ мірѣ, можно удовлетворять своимъ страстямъ, лишь бы при концѣ жизни облечься въ иноческій образъ, въ которомъ человѣкъ несомнѣнно въ состояніи будетъ омыть свои прежніе грѣхи и не лишиться вѣчнаго блаженства, поддерживался и въ церковно-назидательной литературѣ того времени, и тѣмъ самымъ общераспространенный неправильный взглядъ какъ-бы освящался самою церковію. Такъ, въ житіи пр. Никиты Переяславскаго разказывается про него, что онъ „бѣ роженъ и воспитанъ въ Переяславѣ градѣ; и допедъ въ совершепъ возрастъ, бѣ мытаремъ другъ и съ ними прилежа градскимъ судіямъ, и много мятужь и пакости чловѣкомъ творяше и отъ нихъ неправедну мяду взимаше“. Словомъ, Никита былъ взяточникъ, жертвовавшій всякою справедливостію для удовлетворенія своему эгоизму. Но вотъ однажды онъ зашелъ въ церковь и услышалъ тамъ слова пророка Исаіи: *измѣнитесь чисти будете*. „Опъ же ужасенъ бывъ... и вспомянувъ своя неправедная“, рѣшился отказаться отъ прежней жизни, и оставивъ все, постригся въ монастырь, гдѣ своими подвигами такъ прославился, что сдѣлался святымъ ⁴⁾. Очевидно, составитель житія, описывая, какой грѣшникъ былъ пр. Никита до постриженія и какъ затѣмъ про-

¹⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 174.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 191.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Макарій, Ист. Русск. церкви, т. III, пр. 93.

славился, сдѣлавшись инокомъ, желалъ высказать ту мысль, что люди, живя въ мірѣ, могутъ грѣшить, только съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи поступить въ монастырь, который загладитъ ихъ грѣхи и даже сдѣлаетъ *святими*. Очевидно также, что и самый текстъ изъ пророка Исаи: „измѣйтесь и чисти будете“ подобранъ составителемъ житія съ тою цѣлю, чтобы показать, что человѣкъ, поступивъ въ монастырь, въ состояніи „измѣться и очиститься“ отъ всѣхъ своихъ пороковъ, въ которые онъ былъ погруженъ до постриженія въ иноки. Извѣстно, что наши древне-русскія житія святыхъ составлялись болѣею частію по готовымъ образцамъ, представляемымъ подобными же произведеніями византійской церковной литературы; даже самые факты изъ жизни какого-нибудь древняго подвижника Востока цѣликомъ входили въ описаніе жизни русскаго угодника; только основная тенденція, которая непременно видна въ каждомъ житіи, была болѣею частію самостоятельнаго русскаго происхожденія. Поэтому не удивительно, если составитель житія преп. Никиты Переяславскаго, воспользовавшись красками какого-нибудь византійскаго житія, представилъ жизнь угодника до монастыря въ самомъ непривлекательномъ видѣ съ особенною, заранѣ обдуманною имъ вышесказанною тенденціей, для подтвержденія которой онъ не задумался также привести подходящій текстъ изъ пророка Исаи.

Мы видѣли, какую жизнь до-татарская Русь считала за идеалъ жизни, и каковы были ея идеальныя требованія отъ человѣка. Мы видѣли также, что русскіе люди въ дѣйствительной жизни находились въ крайнемъ противорѣчьи съ своими идеалами, откуда происходила полная нравственная раздвоенность. Превозносился монашескій аскетизмъ, а въ жизни господствовала страшная чувственность. Считалось верхомъ совершенства презрѣніе къ благамъ міра, а въ жизни болѣею частію руководилось грубѣйшимъ эгоизмомъ. Правда, въ жизни каждаго общества всегда бываетъ большое разстояніе, между идеалами и дѣйствительностію; но кажется, это разстояніе никогда не было такъ велико, какъ въ до-татарское время на Руси. Въ чемъ же заключается причина такого страннаго явленія? Причина въ самомъ идеалѣ того времени, который былъ не приложимъ къ жизни и даже игнорировалъ дѣйствительный міръ. Чтобы достигать его — нужно сдѣлаться монахомъ, такъ какъ внѣ монастыря идеалъ этотъ ни къ чему не служитъ. Въ жизни немногіе въ состояніи воздержаться отъ супружества, не возможно быть безъ матеріальнаго обезпеченія, трудно иногда отказаться отъ нѣкоторыхъ удобствъ житей-

скихъ; а идеалъ требовалъ умерщвленія плоти, презрѣнія къ матеріальному благосостоянію, ненависти къ наслажденіямъ. Приходилось или отказаться отъ всего того, что дорого человѣку въ мірѣ, или потерять всякую надежду на возможность спасенія. Мы видѣли однако, что русскіе люди того времени, находясь въ такомъ, по видимому, безотрадномъ положеніи, все-таки находили себѣ выходъ изъ него: люди съ сильнымъ характеромъ и съ твердою волею шли въ монастырь; остальные, которымъ было трудно отказаться отъ жизни, лелѣяли мысль, что они усгѣбютъ, насладившись благами жизни, предъ концомъ ея, постричься въ монахи, облечься въ схиму, и такимъ образомъ, не лишиться царства небснаго. Такимъ образомъ, русская жизнь до-татарской эпохи, ища идеала внутри монастыря, сама оставалась безъ идеала, который могъ бы направлять человѣческія страсти, вслѣдствіе чего эти страсти, ничѣмъ не сдерживаемыя, находили себѣ полный просторъ въ монастырскихъ стѣнахъ, доводя русское общество до тѣхъ ужасныхъ пороковъ, о которыхъ мы еще скажемъ впереди.

III.

Отношеніе власти къ подданнымъ.

Первая обязанность князей, по мнѣнію Мономаха,—слѣдить за правосудіемъ въ государствѣ.—Неудовлетворительность правосудія того времени.—Причина того—въ слабости нравственнаго сознанія тогдашняго общества.—Несоблюденіе данныхъ обязательствъ.—Просьба Мономаха не нарушать крестнаго цѣлованія.—Частые случаи подобнаго нарушенія.—Мономахъ — противъ смертной казни.—Русская Правда не знаетъ смертной казни.—Русская Правда не есть офиціальныи сборникъ законоположеній, обязательный для князей.—Юридическая практика могла и отступать отъ Русской Правды.—Мономахъ боится въ смертной казни духа мести.—Сильное развитіе духа мести въ русскомъ обществѣ того времени.—Христіански-гуманныи взглядъ Мономаха на преступника.—«Печалованіе» митрополита Никиты.—Обычай печалованія—право духовенства, проистекающее изъ высокаго уваженія къ нему общества.—Историческія причины развитія такого уваженія.—Мономахъ—о почитаніи духовенства.—Права и преимущества духовенства по церковнымъ уставамъ Владимира св. и Ярослава I и по другимъ древнимъ памятникамъ.—Русская проповѣдь поддерживаетъ въ народѣ уваженіе къ духовнымъ лицамъ.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обращается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ вѣрннаго имъ народа, онъ имѣетъ въ виду опредѣлить отношеніе власти къ подданнымъ. Владимиръ Мономахъ былъ прекраснымъ государемъ и даже

законодателемъ, что видно изъ нѣкоторыхъ прибавленій, весьма гуманныхъ, какія онъ сдѣлалъ въ Русской Правдѣ, этомъ кодексѣ древняго русскаго права, и тѣмъ не безъ причины заслужилъ искреннюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней исторіи Руси. Такой достойный государь очень хорошо понималъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ счастливъ. Это, прежде всего, постоянная заботливость и неуспынный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Въ своемъ Поученіи Мономахъ даже требуетъ отъ дѣтей-князей по возможности *лично* исправленія обязанности судьи, — „вдовицу оправдате сами“, говоритъ онъ, чтобы тѣмъ самымъ было больше истиннаго правосудія, такъ какъ, по его же словамъ, нельзя было надѣяться на честность посадниковъ и бирючей. Но дѣйствительно ли правосудіе было такъ низко въ до-татарское время на Руси, что безъ личнаго производства суда княземъ оно въ большей части случаетъ страдало?

Два элемента въ государственномъ управленіи того времени стояли рядомъ: это—вѣче и князь. Но вѣче приобрѣло нѣкоторое значеніе и даже отчасти силу только въ концѣ до-татарской эпохи, а въ началѣ этого періода оно врядъ ли имѣло хотя призрачный вѣсъ. Главное и рѣшающее значеніе въ дѣлахъ государства имѣла власть князя, а вѣче собиралось иногда только для совѣщанія. Такимъ образомъ, народное представительство отсутствовало въ государственномъ устройствѣ древней Руси, и все управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ князя, такъ что даже судебная часть, столь рѣзко теперь отдѣленная отъ администраціи, находилась въ то время въ непосредственномъ вѣдѣніи того же князя, что, впрочемъ, весьма естественно, такъ какъ самостоятельное развитіе разнообразныхъ задачъ управленія есть заслуга новѣйшаго времени. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1149 годомъ приведены слова Галицкаго князя Владиміра, въ которыхъ высказывается убѣжденіе Владиміра въ правахъ князя лично судить народъ: „Богъ поставилъ насъ волостелями, въ мѣсть злѣдѣимъ и въ добродѣтель благочестивымъ“. Но и на самомъ дѣлѣ князья часто лично исправляли обязанности судьи: въ лѣтописяхъ нерѣдки указанія на такое отправленіе правосудія самими князьями; въ нихъ даже самая правда называется „княжею правдой“. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 годомъ Кіевляне говорятъ Игорю: „аще кому будетъ насъ обида, то ты прави“, а въ Лаврентьевской—подъ 1206 годомъ, въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу Владимірскому прямо сказано, что онъ „судъ судилъ не лицемѣренъ“.

Понятно, однако, что князь, соединяя всѣ вѣтви управленія въ своихъ рукахъ, не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія, въ томъ числѣ и судебная часть. Но при этомъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Хотя частныя дѣла князя различались отъ дѣлъ Русской земли, говоря иначе, отъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдались княземъ, какъ правителемъ, тѣмъ не менѣе это различіе никогда не возводилось на степень системы, и князья вѣдали обыкновенно государственныя дѣла въ формѣ своего частнаго хозяйства ¹⁾). Вслѣдствіе того бывало, что ихъ слуги, въ частномъ смыслѣ этого слова, служили перѣдко органами управленія, и слѣдовательно, въ то же время были слугами князя и въ государственномъ смыслѣ ²⁾). Въ Поученіи Мономаховомъ, наприимѣръ, говорится объ отрокахъ и тиунахъ, какъ о домашней прислугѣ: „не зрите на тиуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему“; по другое мѣсто того же Поученія: „куда же ходице путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости творити отрокамъ“, дасть право думать, что хотя эти отроки относились къ домашней прислугѣ, тѣмъ не менѣе въ рукахъ ихъ была какая-нибудь отрасль управленія, злоупотребляя которою, они имѣли возможность „пакости творити“ народу. Вотъ въ силу чего, главнымъ образомъ, Мономахъ требовалъ отъ дѣтей по возможности лично производить судъ: онъ понималъ, что на судей, какъ на княжескихъ слугъ, не всякій неправильно осужденный рѣшался жаловаться, чтобы тѣмъ самымъ не разгнѣвать еще князя противъ себя и не подвергнуться тяжелой опалѣ. Но и не одни судьи изъ слугъ княжнихъ „пакости творили“ при исполненіи государственныхъ обязанностей: это вообще можно, въ большинствѣ случаевъ, относить ко всѣмъ служителямъ правосудія того времени, изъ какаго бы сословія каждый изъ нихъ

¹⁾ На это въ счастъ прекрасное замѣчаніе есть у г. *Бестужева-Рюмина*, Русская Исторія. С.-Иб. 1872 г., стр. 197. «Чудная связь наставленій въ Поученіи Мономахи», говоритъ онъ, «изъ которыхъ одна назначены для домовладыки, а другія—для князя, стоящаго во главѣ народа, лучше всякихъ разсужденій вводятъ насъ въ духъ и характеръ эпохи: при простотѣ нравовъ, обязанности того и другаго совершенно тождественны и требуютъ только честнаго отношенія къ дѣлу: обязанность князя—защищать слабого отъ сильнаго, не вѣрять своимъ судьямъ и постоянно смотреть за ними».

²⁾ См. *Сергеевичъ*, Вѣче и князь. 1867 г., стр. 348--353.

ни происходилъ. Въ „Моленіи“ Данила Заточника очень характерно выраженъ взглядъ того времени на тиуна, то-есть, на судью: „не имѣй собѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села: тиунъ бо его яко огонь трепстицею накладынъ, а рядовичи его яко искры“¹⁾. Можно думать также, что названіе должностнаго лица „ябедникъ“ съ того еще времени приняло такой дурной смыслъ, какой сохранило оно до нынѣ. Но всего замѣчательнѣе, что въ народѣ съ тѣхъ поръ уже утвердилась мысль, будто тамъ, гдѣ дѣйствуетъ законъ, всегда существуетъ несправедливость. По смерти Андрея Боголюбскаго, жители разграбили дома его посадниковъ и тиуновъ, избивъ ихъ самихъ, „не вѣдая“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „что гдѣ есть законъ, тамъ и обидь много“²⁾. Таково было состояніе правосудія въ то время. Гдѣ же причина такого печальнаго явленія?

Мы не станемъ говорить, что правосудіе отъ того только было дурно, что сами служители правосудія были дурны. Нѣтъ, причина лежитъ гораздо глубже: она коренится въ нравственныхъ понятіяхъ того времени. Извѣстно, что такіа нравственныя понятія, какъ понятія о чести, долгѣ и справедливости, развиваются въ сознаніи народа не вдругъ, а постепенно, сообразно съ развитіемъ его цивилизаціи, и что въ первобытномъ состояніи человѣкъ даже и не предполагаетъ ничего подобнаго. Ложь, напримѣръ, была не возможна у первобытныхъ Славянъ не потому, чтобъ они сознавали безнравственность лжи, или чтобъ у нихъ было развито понятіе о чести, а просто потому, что, по ихъ религіознымъ представленіямъ, лжець низводилъ на себя гнѣвъ божества, и то, что мы теперь относимъ къ случайностямъ жизни, какъ возможность утонуть, умереть отъ молніи, быть зашибленнымъ деревомъ или камнемъ, считалось какъ-бы слѣдствіемъ гнѣва божества, оскорбленнаго лжецомъ.

Правда, Русь, въ разсматриваемую нами эпоху, считала себя христіанскою страной, а христіанская нравственность, возведенная въ *обязанность*, существенно отличается отъ нравственности языческой, результата непосредственнаго чувства, какъ все въ языческомъ мірѣ. Но прекрасныя христіанскія идеи тогда только могутъ приносить пользу, когда онѣ принимаются народомъ умственно развитымъ; въ противномъ случаѣ онѣ—сѣмена, упавшія на каменистую почву, которая не дастъ имъ средствъ взойти. Нѣтъ нужды говорить, какъ низко

¹⁾ *Изв. III-го Отд. Имп. Акад. Наукъ*, т. X, стр. 268.

²⁾ *Полн. Собр. Русск. Лѣт.*, т. II, стр. 115.

было развитіе русскаго общества того времени, а потому естественно, что и нравственное сознание этого общества было слабо. Подъ 1073 годомъ лѣтописецъ заноситъ слѣдующее: „вздвиге дьяволъ котору (кромоу) въ братьи сей Ярославичихъ“... Святославъ со Всеволодомъ пошли на Изяслава; Изяславъ удалился, а братья вошли въ Кіевъ и сѣли на столѣ въ Берестовомъ, „преступивше заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанью братню; желая большей власти, онъ прельстилъ Всеволода, говоря: „яко Изяславъ сватится со Всесловомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати“¹⁾. Въ этомъ фактѣ вотъ чтѣ замѣчательно: Всеволодъ, который, по отзыву лѣтописца, „бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набдя убогя“²⁾, вѣритъ простому наговору на Изяслава. При этомъ нужно еще замѣтить, что самъ Изяславъ былъ человѣкъ весьма добрый и честный, чего, конечно, не могъ не знать Всеволодъ. Если, не смотря на это, онъ повѣрилъ простому наущенію, то до чего же слаба была въ то время вѣра въ нравственное достоинство человѣка и его честность!

Если такъ слабо было нравственное довѣріе людей другъ ко другу, то отсюда легко уже можно видѣть, какое слабое значеніе имѣло понятіе объ обязанности. Владиміръ Мономахъ, какъ лучший человѣкъ своего времени, хорошо понималъ всю безнравственность несоблюденія данныхъ обязательствъ и глубоко скорбѣлъ при видѣ этой язвы тогдашняго общества. Весьма трогательно онъ умоляетъ своихъ дѣтей не клясться и не творить крестнаго цѣлованія, если они не имѣютъ въ виду соблюсти клятвеннаго обѣщанія. „Не клянитесь Богомъ, ни хреститесь“, говоритъ онъ, „нѣту бо ти нужда никоея же; аще ли вы будете крестъ цѣловати къ братья, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступия погубите душѣ своей“. Соблюденіе крестнаго цѣлованія особенно было важно среди княжескихъ, политическихъ отношеній, такъ какъ оно въ большинствѣ случаевъ обезпечивало миръ страны и спокойное состояніе гражданъ, постоянно страдавшихъ отъ внутреннихъ усобиць; а между тѣмъ, князья-то и нарушали, главнымъ образомъ, крестное цѣлованіе, данное другъ другу въ обезпеченіе неприкосновенности ихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній. Такъ, извѣстенъ случай, бывшій съ великимъ княземъ Святосла-

¹⁾ Поля: Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 92.

комъ. Послѣ ослѣпленія Василька, по навѣту Давида Игоревича, Святополкъ, косвенный участникъ въ этомъ преступленіи, цѣловалъ крестъ—имѣть миръ съ Василькомъ и Володаремъ Ростиславичами и даже обѣщался отомстить Давиду войною, что онъ и исполнилъ, заставивъ бѣжать послѣдняго къ Ляхамъ. Между тѣмъ, вскорѣ тотъ же Святополкъ, безъ всякаго повода, двинулся на Ростиславичей. „И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой“, замѣчаетъ лѣтописецъ. Не смотря на то, что Василько напомнилъ Святополку его крестное обѣщаніе, Святополкъ все-таки вступилъ въ бой, въ которомъ, однако, потерпѣлъ поражение. Благочестивый лѣтописецъ, какъ видно, усматриваетъ въ этомъ пораженіи клятвoprеступника дѣйствіе воли Божіей, потому что замѣчаетъ, будто „мнози чело-вѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Васильковыи вой възвышися велии“, который, слѣдовательно, по мнѣнію лѣтописца, и содѣйствовалъ побѣдѣ Василька надъ Святополкомъ ¹⁾. Случай со Святополкомъ не единственный, и лѣтописи представляютъ намъ сотни примѣровъ подобнаго нарушенія крестнаго цѣлованія. Особенно часто нарушали клятву Владиміро Галицкій и младшій сынъ Мстислава Великаго—Владиміръ. Твердостью въ соблюденіи крестнаго цѣлованія славился Владиміръ Мономахъ, что отчасти видно даже изъ Поученія: на предложеніе братьевъ идти на Ростиславичей, онъ твердо отвѣчалъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы ийти, ни креста переступити“; но и онъ однажды нарушилъ клятву относительно Половецкихъ хановъ, считая, вѣроятно, проступокъ противъ поганыхъ не столь великимъ грѣхомъ.

Требуя отъ дѣтей-князей, по возможности, личнаго производства суда надъ своими подданными, съ цѣлью лучшаго соблюденія *правды* въ отношеніи къ нимъ, Мономахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботится и о *милости* при произнесеніи приговора суда надъ преступникомъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его“, говоритъ онъ. Но къ чему Мономахъ совѣтуетъ исключать смертную казнь изъ числа наказаній за преступленія, когда и безъ того въ Русской Правдѣ за всякое преступленіе опредѣляется денежная пеня и вовсе нѣтъ упоминанія о смертной казни? Въ этомъ случаѣ приходится согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что Русская Правда была не полнымъ, официальнымъ сборникомъ законоположеній, который составилъ на основаніи существующей юридической практики, но

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 114.

допускала еще пользованіе, въ дѣлѣ суда, народными юридическими обычаями. Вслѣдствіе того могло быть, что нѣкоторые князья въ своихъ судебныхъ приговорахъ не ограничивались только обычными пенями, а употребляли въ дѣло и смертную казнь, что вызвало Мономаха на протестъ противъ смертной казни, несогласной съ болѣе распространенною тогда юридическою практикою. Очень можетъ быть также, что Мономахъ видѣлъ въ смертной казни не столько наказаніе, имѣющее цѣлю исправленіе нравственности преступника, сколько нѣчто въ родѣ мести за сдѣланное преступленіе, и какъ строгій блюститель нравственности, не могъ помириться съ мыслию, что судья въ своихъ приговорахъ будетъ руководиться не идеею исправленія преступника, а духомъ мести. А духъ мести, этотъ остатокъ первобытнаго родового права, былъ весьма силенъ въ тогдашнемъ обществѣ и потому не могъ не возбудить въ Мономахѣ справедливаго желанія — искоренить его, какъ совершенно противоположный христіанскимъ воззрѣніямъ. Въ первобытныхъ обществахъ, въ которыхъ родовое общественное устройство бываетъ первымъ охранителемъ личности, родовая месть является единственною охраною чело-вѣческой безопасности. Священное право и обязанность мести есть первая нравственная связь чловѣка съ обществомъ, первая идея обязанности, которая была имъ сознаана и свято исполняема ¹⁾). Только государственная власть, — и то не въ первое время, когда она является чрезвычайно слабою, — могла замѣнить родовую месть; но духъ ея, унаслѣдованный вѣками, обыкновенно еще долго царилъ въ обществахъ. Наши лѣтописи представляютъ множество примѣровъ подобнаго явленія. Когда ослѣпленный Василько получилъ снова Тербовль, отнятый прежде у него, то „наставши веснѣ“, пошелъ вмѣстѣ съ братомъ Володаремъ — мстити Давиду Игоревичу за свое ослѣпленіе. Давидъ затворился во Владимірѣ. „Онѣма же (то-есть, Васильку и Володарю) ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ; и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василько исѣчи вся, и створи мщенье на людехъ неповинныхъ, и пролѣя кровь неповинну“ ²⁾). Нѣсколько времени спустя, онъ пришелъ къ городу Владиміру вытребовать какого-то Туряка, Василія и Лазаря, которые будто „намолвили“ Давиду ослѣпить Василька. Турякъ успѣлъ бѣжать въ

¹⁾ Н. Хлѣбниковъ. Общество и государство въ до-монг. періодъ русск. исторіи. С.-Пб. 1872 г., стр. 112.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 113.

Кіевъ, а Василій и Лазарь были схвачены и выданы, и „заутра, по зарн, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Васильковичи... Се же второе мщеніе“, прибавляетъ лѣтописецъ, „его же не быше лѣно створити; дабы Богъ отмстникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое“ ¹⁾. Въ исторіи борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ изъ-за Кіевского стола, былъ, между прочимъ, подобный же случай: Изяславъ изъ мести сжегъ городокъ у Юрія; Юрій собралъ войско и сказалъ: „Сожегъ мой городецъ, то и я отожду противу“ ²⁾.

Русская проповѣдь того времени глубоко сознавала весь нравственный вредъ отъ господствовавшаго въ догданшемъ русскомъ обществѣ духа мести, дѣйствовавшаго въ разрѣзъ съ понятіемъ о христіанской любви къ ближнимъ, которая предписываетъ скорѣе платить добромъ за зло, нежели мстить, — и потому сильно возставала противъ укоренившагося противу христіанскаго обычая мести. Такъ, еще Лука Жидята († 1059) въ одномъ изъ своихъ поученій трогательно взывалъ къ своей паствѣ: „претръните братъ брату и всякому челоуѣку, а не въздати зла за зло“ ³⁾. Въ одномъ древнемъ сборникѣ поученій, проповѣдникъ, глубоко возмущенный испорченностію людей, съ ирискорбіемъ говоритъ, что такая нравственная порча происходитъ, между прочимъ, отъ того, что „въста... лютость на кротость, въста гнѣвъ на тихость, на любовь — ненависть... обида на смиреніе, разбой на братолюбіе... Тѣмже“, прибавляетъ онъ, великое есть требъ въздержаніе“ ⁴⁾. Въ другомъ сборникѣ говорится: „Аще бо воздержатися хоцещи отъ мясъ и рыбъ, то перѣе оставися гнѣва и ярости... и всякыя злобы“ ⁵⁾.

Удерживая судей отъ смертныхъ приговоровъ, Владиміръ Мономахъ не столько, можетъ-быть, боялся въ смертной казни проявленія невыносимаго для него духа мести, сколько страшился загубить душу преступника, котораго продолжалъ считать христіаниномъ, такъ какъ послѣдній чрезъ скорую смерть лишился времени, необходимаго для исправленія и покаянія. „Аще будетъ повиненъ смерти“ — и тогда „душа не погубяете никакою же хрестьяны“, говоритъ Мо-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 114.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 70.

³⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 1—16.

⁴⁾ См. Памяти. стар. русск. лит., изд. *вр. Кушелевмъ-Безбородко*. Вып. 4-й. Спб. 1862, стр. 213.

⁵⁾ См. Собрн. Кирилло-Бѣлов. библ. за № 20/1111, л. 8 об.

номахъ. Какой христіански-гуманный взглядъ! Изъ этихъ словъ понятна та твердость и рѣшительность, съ которою современникъ Мономаха, митрополитъ Никифоръ, „печаловался“ предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ-христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ личность тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительно. „О семь испытай, княже мой“, писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, — „о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебе, о осуженныхъ отъ тебе наказанія ради, о преврѣнныхъ; въспомани о всѣхъ, кто на кого изрекль и кто кого оклеветалъ, и самъ судии разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помани, и тако сътвори и отпусти, да ти ся отпустятъ и отдаждь, да ти ся отдасть. Аще бо не отдамы... грѣхопадєніа челоувѣкомъ, ни Отець небесный оставитъ намъ прегрѣшений нашихъ“.... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по какимъ-либо частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію церкви, Никифоръ прибавляетъ: „Нѣтъ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ; великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены“¹⁾.

Обычай печалованія, которымъ такъ знаменитъ былъ въ разсматриваемую эпоху митрополитъ Никифоръ, и который вошелъ въ особенное употребленіе въ позднѣйшее время, въ періодъ Московскаго единодержавія, составлялъ издавна неотъемлемое право духовенства, проистекавшее изъ того высокаго уваженія, какимъ оно пользовалось въ древней Руси. Это уваженіе было столь велико, что духовныя лица могли, напримѣръ, предупреждать войны между князьями и вообще мирить ихъ единственно своими увѣщаніями и миролюбивыми совѣтами, которые всегда бывали выслушиваемы князьями съ полною покорностію. Такъ, тотъ же митрополитъ Никифоръ, для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III, взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему, Роману Волынскому, при чемъ сказалъ: „Князь, мы приставлены въ Русской землѣ отъ Бога — удержатъ васъ отъ кровопролитія“. Онъ же послѣ помирилъ и Рюрика съ Романомъ. Тимофей, духовникъ Мстислава Торопецкаго, помирилъ этого князя съ боярами. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго

¹⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 72—73.

брата его Ивана Берладника на вѣрную гибель, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: „Грѣхъ тебѣ, поцѣловавъ Ивану крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство“, — и Юрій послушался митрополита ¹⁾. Въ тотъ вѣкъ, когда понятія о международномъ правѣ были слабы, и люди не стыдились убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ меньше можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану. Отсюда понятно то благоговѣніе, съ какимъ Мономахъ говоритъ о почитаніи духовенства, требуя отъ дѣтей, чтобъ они не отклоняли отъ себя лицъ духовнаго сана, но съ любовью принимали ихъ благословенія и молитвы: „епископы и попы и игумены съ любовью взимаите отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога“. Владимиръ и на самомъ дѣлѣ глубоко уважалъ духовенство, что видно особенно изъ отзыва о немъ лѣтописца: „Володимеръ бо такъ быше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечскій чинъ любя и черници любя“... ²⁾ Такая же приверженность къ лицамъ духовнаго сана замѣчается въ лѣтописныхъ отзывахъ и о многихъ другихъ князьяхъ. Уваженіе къ духовенству въ древней Руси окрѣпло, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ. Въ исторіи введенія на Руси христіанства весьма замѣчательнъ тотъ фактъ, что христіанство, долго не проникая въ нравы русскихъ людей, такъ какъ первоначальная ихъ религія была религіею домашняго очага, а въ избу вообще трудно проникать, тѣмъ не менѣе, весьма скоро приняло господствующее положеніе въ странѣ. Такое быстрое принятіе христіанствомъ господствующаго положенія на Руси обыкновенно объясняютъ, — и это объясненіе пока самое лучшее, — тѣмъ, что языческая Русь не знала твердо сплоченной и сильной касты жрецовъ, которая противодѣйствовала бы введенію новой религіи, какъ мы видимъ то въ исторіи другихъ народовъ, у которыхъ часто случалось, что масса, возбужденная жрецами, имѣвшими сильное вліяніе на народъ, убивала первыхъ проповѣдниковъ христіанской религіи ³⁾. Отсюда естественно, что пришлое греческое

¹⁾ *Слово о законѣ*, Ист. Россіи, т. III, стр. 74 и 75.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 112.

³⁾ Такое объясненіе впервые встрѣчается въ Исторіи Русской церкви Платона, митрополита Московскаго.

духовенство безъ труда прочно утвердилось на Руси, и благодаря своему происхожденію изъ передовой по образованности націи, оно легко возвысило себя въ глазахъ полудикаго Русскаго народа и тѣмъ незамѣтно возбудило къ себѣ высокое уваженіе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ первыхъ русскихъ митрополитовъ дѣйствительно были люди, въ высшей степени достойные своего высокаго сана. Этому же много способствовалъ примѣръ первыхъ князей, которые, желая обезпечить положеніе духовенства, давали ему значительныя права и преимущества и даже десятину отъ княжескихъ доходовъ. До насъ дошли церковныя уставы св. Владиміра и Ярослава I, въ которыхъ подробно налагаются такія права и преимущества духовенства, какихъ оно не имѣло въ Византійской имперіи. Такъ, на примѣръ, въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, этотъ князь говоритъ, что онъ создалъ церковь св. Богородицы (каедрa митрополита) въ Кіевѣ и далъ этой церкви десятину по всей землѣ Русской, „отъ всего княжа суда десятую векшю, въ торгу десятую недѣлю, изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита“; въ другомъ мѣстѣ устава говорится, что Владиміръ „сздавалъ“, что не прилично князю, боярамъ, судіямъ, дѣтлямъ его и всему роду судити „судовъ церковныхъ“ и вступаться въ „церковныя люди“, а что это онъ предоставилъ митрополиту и епископамъ по всей Руси, и затѣмъ изчисляются преступленія, подлежащія суду церкви ¹⁾. Заботу о приличіи содержаніи духовенства можно видѣть также изъ уставной грамоты Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ ²⁾. Сюда же относится уставъ, данный Святославомъ Ольговичемъ въ 1137 году Новгородскому Софійскому собору ³⁾ и уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная епископіи Смоленской въ 1150 году ⁴⁾. Все это ука-

¹⁾ Макарій, Ист. русск. церкви т. I, стр. 143—144.

²⁾ Доп. Акт. Ист. т. I, № 3.

³⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 82.

⁴⁾ Доп. Акт. Ист. I, № 4. Впрочемъ, говоря о правахъ и привилегіяхъ духовенства, нужно строго различать между высшимъ, монашескимъ духовенствомъ и бѣлымъ, приходскимъ. Приходское духовенство далеко не имѣло такихъ имущественныхъ привилегій, какими пользовалось высшее, и матеріальныя условія жизни приходскаго духовенства были весьма неудовлетворительны, хотя въ рассматриваемую эпоху однако были несравненно лучше, нежели въ послѣдній періодъ русской жизни. Тѣмъ не менѣе, и высшее, и низ-

зываетъ на высокое уваженіе, какое питали князья къ духовенству. По и остальное общество было также не чуждо уваженія къ лицамъ духовнаго сана. Въ памятникахъ XII вѣка читаемъ: „Подвиги святыхъ монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти и ради ихъ *мірскіе вельможи* преклоняютъ главу свою предъ монахами“; а епископъ Симонъ пишетъ къ печерскому иноку Поликарпу: „Смотри, какъ-уважаютъ тебя вдѣсь и князья и бояре и *всѣ друзья твои*“¹⁾. Къ тому-жь и русская проповѣдь того времени не мало старалась возбуждать и поддерживать въ народѣ уваженіе къ духовнымъ лицамъ, указывая на святость носимаго ими сана и даже прямо предписывая слушаться духовныхъ особъ. Лука Жидята говорилъ: „Ерея Божия чтите“²⁾. Пр. Феодосій (Несторъ въ „Житіи Феодосія“) говорилъ великому князю Святославу: „Подобаеть намъ обличати и глаголати на спасеніе души; вамъ же лѣпо есть послушати того“³⁾. Въ „Словѣ како чтити пресвитера“ говорится, что пресвитеровъ не только нужно почитать, но и давать имъ матеріальное обезпеченіе: „добрѣ чьстите я (то-есть, пресвитеровъ)... и *потребнаа* давайте имъ“. Далѣе прибавляется: „аще бо слугы земныхъ князей чтите, колми паче небеснаго Царя достойную честь и дары даяти“⁴⁾; то-есть, если ближайшимъ слугамъ земнаго царя оказываютъ обыкновенно уваженіе, то тѣмъ болѣе нужно воздавать честь и жертвовать своимъ имуществомъ для лицъ духовнаго сана, которыя суть ближайшія слуги небеснаго Царя — Бога.

Итакъ, говоря объ отношеніи власти къ подданнымъ, Владиміръ Мономахъ требуетъ отъ дѣтей-князей прежде всего заботы объ истинномъ правосудіи въ ихъ вотчинахъ, въ частности же соблюденія на судѣ принципа правды и милости. Далѣе, онъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе, данное князьями въ обезпеченіе мира страны; наконецъ, проситъ князей во всемъ руководиться любовію къ своимъ подданнымъ, особенно любить лицъ духовнаго сана, которыхъ, кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

шее духовенство почти одинаково пользовалось глубокимъ уваженіемъ тогдашнихъ русскихъ людей.

¹⁾ Памят. слов. XII вѣка, стр. 127, 249; ср. *Соловьевъ*, Ист. Росс., III, стр. 76.

²⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 1 — 16.

³⁾ См. Патерскій Печерникъ.

⁴⁾ Сбор. Кирил.-Вал. библ. за № 22/1111, лис. 107 об.

IV.

Отношенія человѣка къ самому себѣ и взаимныя отношенія между людьми.

Внѣшнее сходство между Поученіемъ Моноаха и Домостроемъ Сильвестра. — Внутренняя разница по принципамъ того и другаго. — Моноахъ—противъ гордости ума и гордости въ сердцахъ. — Л. Жадата и І. Чернооривецъ. — Предписанія Поученія, какъ должно вести себя дома и въ людяхъ. — Мелочность подобныхъ же предписаній Домостроя. — Моноахъ—противъ лѣни. — Моноахъ—о ночныхъ поклонахъ. — Ночные поклоны отгоняютъ діавола и омываютъ дневные грѣхи. — Демоническія силы въ русскомъ язычествѣ начинаютъ свою дѣятельность при наступленіи ночи. — «Первое къ церкви». — Ревность къ посѣщенію храмовъ. — Моноахъ—о полуденномъ свѣ. — «Полудницы». — Моноахъ—противъ лжи. — Моноахъ—противъ пьянства. — Развитие этого порока въ древней Руси. — Русская проповѣдь противъ пьянства. — Моноахъ—противъ пороковъ грубой чувственности. — Безаравственность русскихъ язычниковъ. — Любовь къ чувственнымъ удовольствіямъ въ русскомъ обществѣ до-татарской эпохи. — Свидѣтельства лѣтописи Татищева и сомнѣнія Карамзина. — Уставъ Ярослава І и правила митрополита Іоанна ІІ о преступленіяхъ противъ нравственности. — Проповѣдь противъ блуда. — Христіанскіи-гуманный взглядъ Моноаха на отношенія между людьми. — Отношенія между мужемъ и женою. — Взглядъ церкви на эти отношенія. — Взглядъ Моноаха. — Женскій вопросъ и его разрѣшеніе въ древнемъ русскомъ обществѣ. — Точка зрѣнія на этотъ вопросъ. — Положеніе женщины у первобытныхъ Славянъ и въ русскомъ обществѣ до-татарской эпохи. — Новый, только что появившійся на Русь, отрицательный взглядъ на женщину. — Даниилъ Заточникъ. — Іеродіаконъ Кирикъ. — Моноахъ и отчасти русская проповѣдь того времени — противъ такого отрицательнаго взгляда. — Выводъ.— Дальнѣйшія предписанія Моноаха. — Заключительная мысль всего Поученія — о промыслѣ Божіемъ. — Заключение.

Третья мысль, которую развиваетъ въ своемъ Поученіи Моноахъ, показываетъ, какъ долженъ человѣкъ относиться къ самому себѣ, а также опредѣляетъ взаимныя отношенія людей между собою. Вся эта часть Поученія, по своему внѣшнему виду, представляетъ ничто иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведения человѣка въ его обыкновенномъ повседневномъ бытѣ, и съ этой стороны, имѣетъ большое внѣшнее сходство съ Домостроемъ попа Сильвестра¹⁾, также опредѣлявшимъ обыкновенный повседневный бытъ русскаго человѣка своего времени. Но какая огромная внутренняя

¹⁾ Сильвестровскій Домострой въ своемъ полномъ видѣ напечатанъ во *Временникъ Общ. ист. и древн. россійск.* 1849 г., кн. І. Новое изданіе 1867 года сдѣлано г. Яковлевымъ.

разница между домостроемъ древнѣйшей Руси и домостроемъ XVI вѣка. На сколько нравствененъ принципъ домостроя Мономахова, на столько же, можно сказать, безнравствененъ (въ смыслѣ отсутствія нравственной идеи) принципъ домостроя Сильвестрова. У Сильвестра всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ. Множество его наставленій направлены именно къ тому, чтобы научить—какъ ужиться съ разными людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранять правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поссориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣнительности и угодливости людямъ, который въ жизни легко переходитъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ и въ потворство неправдѣ, такой принципъ въ концѣ концовъ можетъ привести къ совершенному безразличію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію примыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравственной жизни общества ¹⁾. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ разсматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи, мы не найдемъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человекъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человекъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣниться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. Вотъ въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачныя слѣды ужаснаго двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но за то какъ свѣжи, какъ отрадны понятія молодой, еще не испорченной гѣсударственными бѣдствіями, до-татарской Руси! Ея безхитростныя понятія являются подчасъ даже наивными, въ которыхъ пріятно звучитъ юношеская неопытность народа сравнительно съ отталкивающею и холодною старческою разчетливостію современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, на примѣръ, угостить, а иногда и подарить заѣзжаго купца съ тѣмъ практическимъ разчетомъ, чтобы купцы, зная гостепримство человека, „мимо его добраго товара не продали“ (гл. XL). Мономахъ

¹⁾ *Исв. Соб.* 1860. Ноябрь, стр. 303.

также предписываетъ гостепріимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ разчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ всякій человѣкъ, Мономахъ не лишень былъ нѣкотораго тщеславія; но это чувство выражается у него до крайности наивно, просто и добродушно. Онъ потому совѣтуетъ угощать чужестранцевъ, что они мимоходомъ прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ. „Волѣ же чтите гость“, предписываетъ Мономахъ, „откуда же къ вамъ придетъ, или прость, или добръ, или соль, аще не можете даромъ—брашномъ и пьемъ, ти бо мимоходачи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ“.

Опредѣляя отношенія, въ коихъ человѣкъ долженъ стоять къ самому себѣ, Мономахъ требуетъ не имѣть гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ: „паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ; но рцемъ: смертни есми, днесъ живи, а завтра въ гробъ“. Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самоусовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно заносчивымъ, заставляетъ его кичиться нерѣдко мнимыми достоинствами и чрезъ то забываетъ, что всѣ люди равны, какъ по происхожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще чело-вѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есми, днесъ живи, а завтра въ гробъ“, такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готовой встрѣтить человѣка, всего лучше умѣряетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина — гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безучастнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все что ны (ты) еси (Господи) вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дпій“,—и въ силу этой мысли онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ“, то-есть, не копите, не прячьте въ землю своихъ прибытковъ, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ, ибо прятать—великій грѣхъ. Впрочемъ, не одинъ Мономахъ понималъ, какое великое зло для нравственности приноситъ человѣку гордость. Самая ранняя христіанская проповѣдь на Руси уже вооружалась противъ этого порока. Еще Лука Жидята говорилъ: „Буести не имѣй, ни гордости поминай.... ако утро будеши смрадъ, гной и черви... въ гордаго бо сердци діаволъ сѣдитъ, и Божие

слово не хоцеть прилнути ему“¹⁾. Іаковъ Черноризецъ въ своемъ посланіи къ великому князю Ізяславу предостерегалъ послѣднаго отъ гордости: „Блюдися убо.... гордости: сему убо Господь противляется“²⁾. Въ словѣ „како жити христіаномъ“ предписывается: «первѣе останися... гордости“³⁾. Развивая далѣе свою мысль, направленную противъ человѣческой гордости, Мономахъ совѣтуетъ ко всѣмъ относиться съ почительностію, уважая въ каждомъ человѣка: „старья чти, яко отца, а молодья, яко братію“. Подобнымъ же образомъ говоритъ Лува Жидята, когда повелѣваетъ одинаково чтить старика и родителей: „Чтите стара человѣка и родителя своя“⁴⁾. Впрочемъ, уваженіе къ старшимъ по возрасту было вообще характеристическою чертою древней русской жизни, какъ остатокъ первобытнаго родового права, такъ что даже самый порядокъ престолонаслѣдія былъ основанъ на правахъ старшинства.

Опредѣливъ внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторыя правила внѣшняго поведения человѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны, Поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія—какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тутъ нельзя не отдать превосходства Мономаху предъ Сильвестромъ. Сильвестръ непріятно поражаетъ мелочностію своихъ наставленій, часто совершенно излишнихъ. Мелочность Сильвестра доходитъ иногда до того, что онъ, напримѣръ, совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое время (гл. XI), покупать не по мелочамъ, а массою (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ черствый, практический и разчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, чтобъ „у рубля полтина сбереглась“. Гораздо проще и короче касается всего этого Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите“,—и этого достаточно: тутъ ясно, что домохозяину не должно лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии къ

¹⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 9.

²⁾ См. *Макарій*, Ист. р. ц. т. II, стр. 303, прим. 254.

³⁾ См. Сбор. Кирилло-Вязовск. библ. за № 20/1112, л. 8 об.

⁴⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 9.

вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему“, — и затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни, особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣнностями вѣззаву бо человекъ погибаетъ“. Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ Поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ Поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не можете ся лѣнити ни на что же доброе“. Не указываютъ ли такія настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣниться на то, что наши предки отличались неповоротливостію, апатичностію въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большою вѣроятностію можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствие необходимой жизненной энергіи и лѣнивый, неподвижный характеръ древняго русскаго человека даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указаннаго общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ, иже не дѣлають“, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Възбужайте спящая и на дѣло подвизайте ихъ лѣнивыхъ. Аще бо земныя убѣгаете страдѣ (трудоу) вы, то небесныхъ не узрите благыхъ, иже дѣлательмъ Богъ обѣщаль есть. Отъ труда убо здравіе и отъ страды—спасеніе; лѣнивый же, по апостолу, да не ясть.... Лѣность бо всѣмъ дѣломъ злыма есть.... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается“¹⁾.

Весьма наивны и простосердечны предписанія Мономаха относительно ночныхъ поклоновъ, которые всего лучше отгоняють діавола, имѣющаго ночью, по понятіямъ нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. „Не грѣшите“, говоритъ Мономахъ, „ни одну же ночь, аще можете поклонитесь до земли, али вы ся начеть не мочи а трижды; а того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, а что въ день согрѣшить, а тѣмъ человекъ избываетъ“. Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что діаволь имѣеть большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранялось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлов. за № 22/1112, лис. 50 об. и 51.

вѣровапіямъ котораго темныя демоническія силы боится дневнаго свѣта и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимущественно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ. Что такое убѣжденіе дѣйствительно было весьма распространено въ старину, и что при этомъ наши предки вѣрили въ могучую силу ночныхъ поклоновъ и молитвъ для отгнанія діавола, это подтверждается старинными сборниками поученій, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить поученія съ такими заглавіями, какъ „Слово о снѣхъ ноцныхъ“, или „Слово како встаети въ ноцъ молитися“. Вотъ что говорится въ одномъ изъ такихъ поученій: „Въстани отъ сна и извлеци си мечъ, и стани крѣпцѣ по силѣ своей и помолися отъ всея душа, и тако Богъ поможетъ ти скоро и подастъ ти крѣпость и силу—побѣжати врагы невидимыя“... Дальнѣйшія слова до буквальной сходимости со словами Мономаха: „А егда ложася спати, то не погрѣши ни единомъ ноци не кланявся, но елико помога по силѣ, тѣмъ поклоняніемъ побѣждаетъ челоувѣкъ діавола, а тѣмъ избываетъ грѣховъ, иже согрѣшилъ того дни“¹⁾.

Утромъ вставать послѣ сна Мономахъ предписываетъ до солнечнаго восхода: „да не застанеть васъ солнце на постели“. Пробудившись, нужно „первое къ церкви“ и „заутреню“ отдать „Богови хвалу“. Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою во храмѣ. Надобно замѣтить, что въ древней Руси частое посѣщеніе храмовъ было въ большомъ употребленіи, особенно между князьями. Смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ ежедневно посѣщалъ церковь. Съ Владиміромъ Галицкимъ случился ударъ, когда онъ шелъ отъ вечерни; а про Андрея Боголюбскаго въ лѣтописи говорится, что онъ „къ заутрени въ ноцъ входящеть въ церковь и свѣщи вжигивашеть самъ“²⁾. Такая же ревность къ посѣщенію храмовъ, по всей вѣроятности, была распространена и въ остальномъ русскомъ обществѣ того времени. Между нѣкоторыми существовало даже убѣжденіе, что тотъ, кто часто опускаетъ бывать въ церкви за утреню, не спасется. Въ словѣ „о не встающихъ на утреню“ прямо сказано: „аще бо ся обленити на заутреню вѣстати... то не спасешся“³⁾.

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлов. за № 22/1116, л. 33.

²⁾ См. *Людимъ*. Древн. Русск. Ист. М. 1871. Т. II, стр. 514.

³⁾ См. Кирилло-Вѣлов. библи. за № 22/1116, л. 79.

Безъ сомнѣній, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, Мономахъ совѣтуетъ немедленно же послѣ молитвы „сѣдне думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати“. „Спанье“, замѣчаетъ Владиміръ, „естъ отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо поживаетъ и звѣрь и птицы и человекѣ“. И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго, полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. „И придоша (Половцы) въ монастырь Печерскій“, разказываетъ лѣтописецъ, „намъ сущимъ по кельямъ поживающимъ по заутрени“¹⁾, то-есть, послѣ утрени, около полудня. Песторъ въ житіи пр. Феодосія разказываетъ про нѣкоего Судислава Геусвича, который далъ обѣщаніе пожертвовать двѣ гривны золота и вѣнецъ на икону Богородицы въ монастырь Феодосія, но забылъ исполнить. „И се по днѣхъ нѣкихъ спящу ему въ полудне“, явилась ему икона, напомнивъ о данномъ обѣщаніи²⁾ „Приде Святоша и Путята.. Давыдовымъ восемь облажающимъ градъ, въ полуденьс Давыдови спящю“ говорится въ лѣтописи³⁾. Обычай полуденнаго сна ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По стариннымъ мифическимъ представленіямъ древнихъ языческихъ Славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя *полудницами* (у Лужичанъ *prezrolnica*, *grrolnica*) съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшкавшагося на работѣ, эти полудницы ослѣпляютъ, пачинаютъ распрашивать: какъ обработывать и прѣсть ленъ и т. п., и кто не устоитъ противъ распросовъ, тому срубяютъ голову серпомъ⁴⁾. Отсюда сонъ въ полдень — самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжѣ блюдиа и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло“. предписываетъ Мономахъ. Мы не станемъ говорить о лжи, пороки весьма естественномъ въ то темное время, когда нравственное сознаніе на столько было еще слабо, что многіе даже не призывали и порока во лжи. Перейдемъ къ тѣмъ порокамъ, которые достигли наибольшаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ, такъ что вызвали Мономаха сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ. Эти пороки были — пьянство и грубый развратъ.

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. I, стр. 99.

2) Патерикъ Печерскій.

3) См. *Половцы*, Древн. Русск. Ист. Т. II, стр. 515.

4) См. *Буслаевъ*, Ист. очер. русск. слов. и иск. Т. I, стр. 233.

Нетрезвостию въ жизни въ древнее время отличались и сами князья, которые тѣмъ подавали дурной примѣръ и остальному русскому обществу. На старинномъ языкѣ слово *пировать* было синонимомъ слова *пить*, тѣмъ самымъ означая, въ чемъ преимущественно состояло пированіе. Одно это уже, какъ нельзя больше, показываетъ, что выраженіе Владиміра Святаго: „Руси есть веселіе пити“ надолго не утратило своего значенія. Уже въ особенную похвалу внуку св. Владиміра — Всеволоду говорится о воздержаніи его отъ пьянства. Въ лѣтописяхъ весьма часты указанія на то, что князья пили. Подъ 1115 годомъ разказывается, что при перепесеніи мощей св. Бориса и Глѣба князья „обѣдоша у Олега и пиша“. Подъ 1150 годомъ говорится, что при паденіи Изяслава Мстиславича, Борисъ Георгіевичъ „пьяшетъ въ Бѣлѣгородѣ на сѣньници съ дружиною своєю и съ попы Бѣлогородскими“. Про Владиміра Галицкаго (подъ 1188 годомъ) говорится, что онъ „бѣ... любезнивъ питію многому“, и т. д. ¹⁾. Что касается массы народной, то уже въ XII вѣкѣ является возможность пользоваться развитіемъ въ ней пьянства для пополненія казны. Въ грамотѣ Ростислава Смоленскаго, между прочимъ, говорится: „а отъ корчмовъ не знаю что получится“ ²⁾. Но самое вѣрное и точное понятіе о размѣрахъ нетрезвости, существовавшей въ древней Руси, можно составить на основаніи русской проповѣди того времени, направленной противъ пьянства. Лука Жидята говорилъ только: „не пій безъ года, но въ мѣру, а не въ піяньство“ ³⁾; а Іаковъ Черноризецъ уже прямо говоритъ противъ запоя: „блюдися убо запоюства, того бо духъ святій бѣгаетъ“ ⁴⁾. Позднѣйшіе проповѣдники несравненно сильнѣе вооружаются противъ этого порока, что указываетъ на возрастаніе пьянства съ теченіемъ времени. Вотъ въ какихъ словахъ митрополитъ Никифоръ изображаетъ ужасы пьянства: „Пьянство — вольпій бѣсъ, пьянство — дщи діавола, пьянство — уму смерть, погубивый бо умъ скотины пуци есть.. Сія.. азъ сказалъ смь, да не своихъ носрамлю: да не буди то; вако бо я отъ души люблю?—но да таковое зло отжону отъ нихъ въ постное время—піанство“ ⁵⁾. Въ одномъ старинномъ поученіи весьма замѣчательно сужденіе проповѣдника касательно чело-

¹⁾ См. *Походныя*. Др. Русск. Ист. М. 1871, т. II, стр. 511.

²⁾ Дополн. Акт. Ист. Т. I, № 4.

³⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 1—16.

⁴⁾ См. *Макарій*, Ист. русск. церкви, т. II, стр. 303, прим. 254.

⁵⁾ Тамъ же.

вѣка, подверженнаго пьянству. Бѣсноватаго, говоритъ онъ, не трудно вылѣчить; „Пришедеъ бо іереи сътворятъ молитву бѣсному—проженеть бѣса; а надъ пьянымъ, аще бы всемъ земли сошлись попове и творили быша молитвы, то не могутъ прогнати самовольнаго бѣса—запойства злаго“¹⁾. Изъ обращенія, сдѣланнаго въ „Словѣ святыхъ отецъ о пьянствѣ“, можно заключить, что этому пороку были подвержены не только мужчины, но и женщины: „О, братіе и сестри“, говорится въ словѣ,—„бѣгайте пьянства; пійте мало сстрахомъ Божиимъ“²⁾. Изъ 35 правила митроп. Іоанна II видно, что и духовенство не всегда отличалось трезвостію. Вотъ какъ читается это правило: „И еже іереемъ до упиванія пачъ піющимъ іереемъ сиде речемъ: яко апостоль повелеваетъ ни пѣаници, ни яра, ни сварлива во іерейскій приести санъ: а еже по поставленіи іерееве упиватися начнутъ, воложити ѣ во отлученіе, да покорившеса закону Господню, пьянства отлучаются. Аще ли не лишатся пьянства—извержени ѣ“³⁾. Отъ Кирилла II митрополита Кіевскаго (1243—1280) до насъ дошло „Поученіе къ попомъ“, подтверждающее то же самое. Митрополитъ прежде всего раскрываетъ высокое достоинство священническаго сана и излагаетъ обязанности христіанскаго пастыря; затѣмъ, обращаясь къ іереямъ, говоритъ между прочимъ: „Блюдитесь отсель всякаго грѣха: не работайте плоти, отстанте отъ пьянства и объяденія“ и т. д.⁴⁾ Пьянство въ народѣ доходило иногда до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что пьяная толпа нерѣдко затѣвала драки, оканчивавшіяся иногда убійствами. Въ „правилѣ“ того же митрополита Кирилла, этотъ сватитель съ ужасомъ говоритъ о такомъ повальномъ пьяномъ неистовствѣ: „Паки же увѣдѣхомъ бесовская еще держаще обычая треклятыхъ елинь, въ божествыня правдыны позоры нѣкакы бесовския творити, съ свистаніемъ и съ кичемъ и въплемъ съзывающе нѣкы скарѣдныя мѣлища, и бьющеса дрьколѣмъ до самыя смерти“⁵⁾.

Предостереженіе Мономаха: „блюдися... блуда“ вызвано было также крайнею потребностію тогдашняго общества въ такомъ предостереженіи, такъ какъ глубокой развратъ приобрѣлъ въ то время, можно

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлоз. библ. за № 28/1116, л. 107 об.

²⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлоз. библ. за № 28/1116, л. 107 об.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ «Поученіе къ попомъ» напечат. въ *Прибавленіяхъ къ Твор. св. отц.* 1843, стр. 428—432.

⁵⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 114.

сказать, право гражданства. Впрочемъ, склонностью къ чувственнымъ удовольствіямъ отличались Русскіе Славяне и во времена язычества. У Нестора есть весьма любопытное описаніе нравовъ нѣкоторыхъ русскихъ языческихъ племенъ: „Родимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имаху: живиху въ лѣсѣ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами, браци не бываху въ нихъ, но игрища между селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ... имаху же по двѣ и по три жены“ ¹⁾. Если раньше тотъ же Несторъ въ большую похвалу ставитъ Полянамъ, что они „стыденье имѣху къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, и къ свекровемъ и къ деверемъ“ ²⁾, то это показываетъ, что вышеописанныя явленія были весьма обычными между русскими язычниками, при чемъ игрища, на которыхъ главнымъ образомъ совершались всѣ эти ужасы разврата, были несомнѣнно религіознаго происхожденія. Кромѣ того, у арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана можно найти множество свидѣтельствъ о безнравственности русскихъ язычниковъ. Про Владиміра Святаго, когда онъ былъ еще язычникомъ, въ лѣтописи говорится, что онъ „бѣ несмытъ блуда, приводя къ собѣ мужьскы жены и дѣвицѣ растыляя, бѣ бо женолюбець“ ³⁾. Христіанство, благодаря своему нравственному значенію, внося цивилизующую силу въ народъ, нѣсколько умѣряетъ въ немъ необузданную страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ; но и оно, особенно на первое время, не въ силахъ успѣшно бороться противъ этой страсти, какъ мы ясно видимъ то изъ исторіи Руси, въ которой, и послѣ введенія христіанства, любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ надолго не ослабѣла, хотя проявлялась и не такъ цинично, какъ въ языческой Руси.

Касательно безнравственности на Руси въ разсматриваемую нами эпоху особенно много фактовъ собрано у Татищева, который приводитъ ихъ преимущественно изъ исторіи XII вѣка. Для примѣра возьмемъ князя Юрія Владиміровича. „Юрій хотя имѣлъ княгиню, любви достойную, и ее любилъ, но притомъ многихъ женъ подданныхъ своихъ навѣщалъ, и съ ними болѣе, нежели со княгинею, веселился: ночи сквозъ на скомопѣхъ (музыка) проигрывая и пія препроводилъ,

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 6.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 34.

чѣмъ многіе вельможи его оскорблялись, а младше... въ томъ ему со-
вѣтомъ и дѣломъ служили" ¹⁾). Правда, Карамзинъ (а за нимъ и нѣ-
которые другіе) сомнѣвался, какъ извѣстно, въ подлинности Тати-
щевской лѣтописи, признавая се отчасти за поддѣлку; но по крайней
мѣрѣ въ описанномъ Татищевымъ фактѣ распущенности на Руси въ
XII вѣкѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и европейскіе нравы XII и
XIII вѣковъ отличались тѣмъ же ²⁾). Еслибы описаніе распущенно-
сти нравовъ у Татищева было выдумкою и не соответствовало дѣйстви-
тельности, тогда страннымъ показалось бы такое обстоятельное пере-
численіе преступленій, противныхъ нравственности, какое мы встрѣ-
чаемъ въ церковномъ уставѣ Ярослава I-го и въ церковныхъ прави-
лахъ митрополита Іоанна II-го. Виды этихъ преступленій, перечисле-
нныхъ въ указанныхъ древнихъ памятникахъ, до того возмутительны
и оскорбительны для нравственнаго чувства, что передъ ними блек-
нуть вышеприведенныя описанія пр. Несторомъ ужасовъ разврата у
русскихъ язычниковъ. Но еще болѣе подтверждаетъ достовѣрность
прискорбнаго состоянія нравственности тогдашняго общества русская
проповѣдь того времени, направляемая противъ пороковъ грубой чув-
ственности. Вотъ чтò говоритъ Іаковъ Черноризецъ: „Блюдися... без-
законнаго смѣса; не внимай любодѣици... неводъ бо есть сердце ея,
и сѣти — уди ея, и узы въ руку ея, и ловленіе — бѣсѣды ея и силы
успѣнными заветѣ въ блудъ... въ добротѣ бо женствѣи мнози заблу-
дила" ³⁾). Въ „словѣ о правдѣ и неправдѣ“ проповѣдникъ съ горе-
стію восклицаетъ: „Вста... на дѣвство — блудъ и погуби дѣвство“ ⁴⁾).
Въ другомъ старинномъ поученіи есть, между прочимъ, такое пред-
писаніе: „Аще кто васъ имать дщерь, положи на нея грозу свою...
да не свою волю примше, въ неразуміи прокудить дѣвство свое...“;
дальше весьма характеристично прибавляется: „аще бо бес порока
отдаси (въ замужество) дщерь свою, то велику добродѣтель сътво-
рилъ еси“ ⁵⁾). Въ словѣ: „како христіаномъ жити“ говорится, что
многіе „христіаномъ нарекушеса, а отъ женъ своихъ“ не стыдятся „съ
инѣми блудити или холостымъ не женящеся, со мнозѣми любодѣяти“ ⁶⁾).
Въ поученіи, приписываемомъ Θεодору Едесскому, проповѣдникъ съ

¹⁾ *Татищевъ*, Ист. Рос., т. II, стр. 300.

²⁾ См. *Хлебниковъ*, Общество и государство въ до-монг. періодѣ, стр. 379.

³⁾ См. *Макарій*, т. II, стр. 303, прим. 254.

⁴⁾ См. *Памяти. стар. рус. лит.* Спб. 1862, вып. 4, стр. 213.

⁵⁾ См. *Сборн. Кирилло-Вѣлоз. библ.* за № 2/110, л. 54.

⁶⁾ См. тамъ же, л. 138 об. и 139.

негодованіемъ спрашиваетъ: „какая польза отъ яди воздержатися, а на блудъ совокуплятися“¹⁾).

Мы уже имѣли случай замѣтить, когда сопоставляли Сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономаха, что въ послѣднемъ—отношенія, долженствующія быть между людьми, рисуются болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ не совсѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній человѣка къ другимъ людямъ, предписываемая Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною человѣка, воспитавшагося и не при тогдашнемъ, еще весьма низкомъ, уровнѣ общественнаго развитія. Среди человѣческихъ отношеній, отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя ближайшія и тѣснѣйшія. По понятіямъ церковнымъ, мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними должна продолжаться до самой смерти кого-либо изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая церковію, не возможна безъ любви и потому предписываетъ: „жену свою любите“. Чтобы понять всю важность указаннаго предписанія Мономаха для тогдашняго русскаго общества, мы должны обратиться къ общимъ взглядамъ того времени на женщину и на отношенія къ ней со стороны общества въ силу этихъ взглядовъ.

По тому, какъ рѣшается въ обществѣ, въ данную эпоху, какой-либо изъ соціальныхъ вопросовъ, можно съ достовѣрностію судить о степени нравственнаго развитія общества въ эту эпоху. Такое понятіе особенно приложимо по отношенію къ такъ-называемому женскому вопросу. Мы говоримъ „особенно приложимо“ потому, что при такомъ или иномъ разрѣшеніи женскаго вопроса выясняется уваженіе или неуваженіе общества къ женщинѣ—существу, нравственно облагораживающему человѣка, и слѣдовательно, показывается—способно или не способно это общество откликаться на призывъ нравственной силы. Не много народовъ, въ первобытной исторіи которыхъ можно встрѣтить нѣсколько свѣтлыхъ сторонъ въ ихъ соціальной жизни. Къ числу такихъ немощныхъ народовъ относятся Славяне. По мягкости славянскихъ нравовъ, женщина у Славянъ пользовалась значительною долей независимости. Въ началѣ исторіи почти каж-

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлов. библ. за № 116/1102, л. 51.

даго славянскаго племени встрѣчается женщина-правительница: рядомъ съ тремя братьями — строителями Кіева — стоитъ ихъ сестра Лыбедь; затѣмъ у насъ является Ольга, у Чеховъ — Любуша, у Поляковъ — Ванда, у Хорватовъ — Туга. Въ нашихъ былинахъ воспѣваются вполне самостоятельныя и даже воинственныя женщины, какъ: жена Потыка, Василиса Микулишна и др. Важно особенно то, что у славянскихъ женщинъ была своя отдѣльная поземельная собственность, у Людмилы чешской былъ свой городъ Тетинь, у Ольги — Вышгородъ ¹⁾. То мѣсто у пр. Нестора, гдѣ разказывается про Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, что они обычай имѣли сходиться на игрища „и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся“ ²⁾ — какъ нельзя лучше указываетъ на взглядъ, какой имѣли означенныя племена относительно женщины. Они „умыкали“ себѣ въ жены тѣхъ дѣвушекъ, съ которыми предварительно посоветуются, „свѣщаются“; они, слѣдовательно, признавали въ женщинѣ ея личную свободу выбора, уважали эту свободу, не употребляли насилій. Оттого союзъ семейный, который составляетъ самую твердую основу общественной правдоподобности и есть самый лучший источникъ внутреннего, духовнаго благосостоянія соціальной жизни народовъ, — былъ вѣропокъ у Славянъ, не смотря на многоженство. Казалось бы въ исторіи Руси, какъ славянскаго племени, вслѣдъ за принятіемъ христіанства, съ его нравственно-цивилизующимъ элементомъ, женщина должна была приобрести еще болѣе независимое положеніе въ обществѣ, и слѣдовательно, большее уваженіе къ себѣ со стороны этого общества, нежели какимъ она пользовалась въ отдаленной исторіи первобытныхъ Славянъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать, хотя въ разсматриваемую нами эпоху, въ положеніи русской женщины среди темныхъ патенъ можно усмотрѣть и нѣкоторыя свѣтлыя точки, которыя совсѣмъ почти скрываются отъ глазъ въ темное время татарщины и въ послѣдующій затѣмъ періодъ русской жизни до Петра I.

Относительно вопроса о положеніи женщины въ русскомъ обществѣ въ до-татарскую эпоху, нужно сознаться, мы встрѣчаемъ очень скудныя извѣстія въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени; но и въ такихъ скудныхъ извѣстіяхъ много отрадныхъ чертъ, относящихся къ сказанному предмету. Прежде всего видимъ, что княгини, какъ и первобытныя Славянки, имѣли свое собственное иму-

¹⁾ См. *Вестужевъ-Рюминъ*, *Русск. Ист.*, гл. III, стр. 42.

²⁾ См. *Поли. Собр. Руси. Дѣт.*, т. I, стр. 6.

щество движимое и недвижимое и распоряжались имъ по произволу, какъ, на примѣръ, распорядилась жена князи Глѣба Всеславича Полоцкаго, отдавши свои деньги и волости Кіево-Печерскому монастырю ¹⁾. Объ уваженіи, какое оказывалось женщинамъ родственниками, свидѣтельствуетъ примѣръ пр. Θεодосія Печерскаго, который, по словамъ Нестора (см. житіе Θεодосія), оказывалъ великое послушаніе матери, не смотря на то, что она жестоко относилась къ нему; а также примѣръ Мономаха, который слушался увѣщаній мачихи своей. Объ уваженіи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей и среди гражданъ, можно видѣть изъ лѣтописнаго описанія проводовъ въ монастырь и кончины княгини Маріи, супруги Всеволода III. „Пострижеси“, говоритъ лѣтописецъ, „великая княгиня Всеволожая во мнишескій чинъ въ монастыри св. Богородица... и проводи великій князь Всеволодъ самъ, со слезами многими... и сынъ его... и дщи его... игумени и чернци вси, и бояре вси и боярыни... и горожане вси проводиша ю со слезами многими до монастыря“. Когда вскорѣ по постриженіи княгиня скончалась, то многіе весьма сокрушались о ея смерти. Особенно мужъ и сынъ княгини были неутѣшны: „ту суццу великому князю“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „плачущюся надъ нею, и Юрью сыну ея плачущюся и не хотящю ся утѣшити“ ²⁾. Вліяніе княгинь на событія, какъ совѣтницъ мужей своихъ, можно видѣть въ извѣстіи о поступкѣ князя Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, подъ 1180 годомъ: Святославъ, сказано въ лѣтописи, напалъ на Давида Ростиславича, посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавъ о томъ предварительно никому другому. Письмо епископа Симона къ чернецу Поликарпу, изъ котораго видно, что княгиня Верхуслава старалась доставить Поликарпу епископство, не жалѣя издержекъ, также доказываетъ вліяніе княгинь на общественныя дѣла ³⁾. Конечно, указанные примѣры изъ жизни княгинь еще могутъ заставить усомниться въ томъ, что и въ остальномъ русскомъ обществѣ было подобное же отношеніе къ женщинамъ. Но въ данномъ случаѣ важенъ тотъ фактъ, что подобное отношеніе къ женщинамъ существовало, хотя бы оно обнаружилось и въ незначительномъ количествѣ случаевъ. На основаніи 25-го правила митрополита Іоанна II, въ которомъ упоминается о женщи-

¹⁾ См. *Соловьевъ*, *Ист. Росс.*, т. III, стр. 85.

²⁾ *Поли.* *Собр. Русск. Лѣт.*, т. I, стр. 178.

³⁾ См. *Соловьевъ*, *Ист. Росс.* т. III, стр. 85.

нахъ, бывавшихъ на пирахъ съ мужчинами, можно думать съ вѣроятностію, что женщина въ до-татарской Руси даже не была изолирована отъ общественной жизни и удовольствій, какъ то мы видимъ въ послѣдующіе періоды русской жизни, особенно въ XVI вѣкѣ, когда, по Домострою, женщинѣ пельзя при всѣхъ предложить вина, а нужно для того отозвать въ отдѣльную клѣтѣ: „а то все дѣлай въ утай“. прибавляетъ Домострой, „чтобы было безъ зазора и безъ укора отъ злыхъ людей“¹⁾. Допущеніе женщинъ, въ древней Руси, къ участию въ общественныхъ удовольствіяхъ какъ пельзя лучше показываетъ, что взглядъ на женщину тогдашняго русскаго общества былъ несравненно гуманнѣе, нежели въ XVI вѣкѣ, когда, по тому же Домострою, мужу позволялось учить свою жену плетвою.

Но въ жизни сплошь и рядомъ встрѣчаются отклоненія отъ нормы и даже часто отклоненій бываетъ гораздо больше, чѣмъ нормальныхъ явленій. Таковъ общій міровой порядокъ жизни. Мы видѣли раньше, какъ много было ненормальныхъ явленій въ религіозно-нравственной сферѣ древняго русскаго общества. Къ числу такихъ же явленій можно отнести и тотъ неестественный взглядъ на женщину, совершенно противоположный предыдущему, который въ разсматриваемую нами эпоху сталъ мало по малу развиваться среди русскіхъ людей, затмивъ свѣтлый и нравственный взглядъ на нее, унаслѣдованный отъ предковъ - Славянъ, и однако, еще жившій въ до-татарскомъ русскомъ обществѣ, какъ то мы видѣли изъ выше приведенныхъ примѣровъ. Открытіе и непринужденіе всѣхъ рисуетъ этотъ новый только что появляющійся на Руси, отрицательный взглядъ на женщину Даниилъ Заточникъ; но мы не станемъ приводить его, всѣмъ извѣстной, злой и ѣдкой филиппики противъ женщинъ, которая вызвана была у него особенными обстоятельствами, именно злоупотребленіями, которыя дозволяли себѣ нѣкоторыя женщины, благодаря своему вліянію при дворѣ князя, и чрезъ которыхъ Даниилъ невинно подпалъ княжеской опалѣ. Въ нѣкоторыхъ древнихъ сборникахъ поученій встрѣчаются, хотя и рѣдко, воззрѣнія на женщину, сходныя со взглядами Даниила. Вотъ что говорится въ одномъ поученіи: „лучши въ пустѣ земли жити, неже съ сварливою женою и прокудливою... лучши есть со лвомъ и съ змиемъ жити, неже съ сварливою и устатю женою“²⁾. Между нѣкоторыми было даже мнѣніе,

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, т. II, кн. 6, стр. 115.

²⁾ См. Сборн. Кирило-Вѣлов. библ. за № 39/III, л. 53 об. и 54.

что женщина—существо нечистое. Известный Кирикъ спрашиваетъ епископа Пифопта: „аще случится плать женскій въ портъ въшити попу, достоятъ ли въ томъ служити портъ?“ Пифонтъ, догадываясь, подъ вліяніемъ какихъ мыслей Кирикъ предлагаетъ ему этотъ вопросъ, вмѣсто прямого отвѣта говоритъ только, что женщина не есть что-либо поганое¹⁾. Имѣя въ виду такіе отрицательные и неестественные взгляды на женщину, въ силу которыхъ она считалась достойною не любви и уваженія, а напротивъ—презрѣнія и глубокой ненависти,—Владиміръ Мономахъ и предписываетъ своимъ современникамъ: „жену свою любити“, хорошо понимая всю безправственность подобныхъ низкихъ воззрѣній на женщину. Правда, далѣе тотъ же Мономахъ сряду прибавляетъ: „но не дайте имъ (женамъ) надъ собою власти“,—тѣмъ самымъ какъ-бы примыкая къ сказаннымъ, далеко не гуманнымъ воззрѣніямъ на женщину. Но такъ думать нельзя. Мономахъ въ этихъ словахъ хотѣлъ только выразить всѣмъ известную мысль апостола (въ Посланіи къ Ефесеймъ) о повиновеніи жены своему мужу. Съ другой стороны, онъ, можетъ-быть, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, хотѣлъ предостеречь ихъ отъ женскаго, часто неразумнаго вмѣшательства въ дѣла княжескія, чрезъ что иногда страдали невинные люди, какъ то видно изъ жалобъ Заточника. Впрочемъ, не одинъ Мономахъ ратовалъ противъ унижительнаго взгляда на женщину. Въ церковно-назидательной литературѣ того времени встрѣчаются иногда предписанія, направленныя противъ грубаго, не гуманнаго отношенія къ женщинѣ, которое дозволяли себѣ нѣкоторыя лица, подъ вліяніемъ вышесказаннаго унижительнаго воззрѣнія на нее. „Блюди же ся“, говорится въ одномъ древнемъ словѣ, — „жену... или рабу бити неподобно“²⁾; а въ другомъ словѣ даже прямо предписывается мужьямъ—обращаться къ своимъ женамъ за добрыми совѣтами: „не лишайте себе совѣщанія своихъ женъ“³⁾. Эти послѣднія слова проповѣди особенно для насъ важны. Если въ сознаніи древняго русскаго челоуѣка женщина была въ правѣ давать мужу совѣты, и слѣдовательно, была способна посоветовать что-либо доброе для мужа; то значитъ, этотъ челоуѣкъ вѣрилъ въ правственный элементъ, присущій женщинѣ, вѣрилъ въ призваніе послѣдней—нравственно вліять на него. Отъ того-то въ тогдашнемъ *русскомъ*

¹⁾ См. Нам. Слов. XII вѣка.

²⁾ См. Сборн. Кирилло-Влос. библ. за 20/1115, л. 156 об.

³⁾ См. тамъ же, л. 52 об.

человѣкъ еще жива была способность *откликаться на призывъ нравственной силы*, еще сохранялась въ немъ нравственная чуткость ко всему благородному и живому въ духовной сферѣ его существа. Это особенно подтверждается тѣмъ глубокимъ сочувствіемъ къ женщинѣ, какое обнаружилъ авторъ „Слова о полку Игоря“, начертавъ въ высшей степени симпатичный образъ Ярославны, этой любящей супруги Новгородъ-Сѣверскаго князя.

Дальнѣйшія предписанія Мономаха объ отношеніи челоѣка къ другимъ людямъ (также какъ и *все* въ его Поученіи) проникнуты чисто евангельскимъ духомъ: „больнаго присѣдите, надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмя... убогихъ не забывайте, но елико можете по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ“. Всѣ эти нравственныя предписанія, не смотря на ихъ общезвѣстность и не новостъ, имѣли большое значеніе для того времени. Тогда нужны были постоянныя напоминанія и повторенія самыхъ простыхъ и несложныхъ требованій евангельской любви, такъ какъ при всеобщей почти религіозной и нравственной неустойчивости, эти требованія скоро забывались. Замѣчательно, что Мономахъ старается чтобы и чисто-внѣшнія, формальныя и случайныя отношенія между людьми были проникнуты искренностію и глубокимъ участіемъ, чтобы въ нихъ не было даже никакихъ признаковъ грубости, холодности, индеферентизма. „Человѣка не минѣте“, говоритъ онъ, „не привѣчавше (не привѣтствуя), добро слово ему дадите... куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите уенина“¹⁾, то-есть, обласкайте, будьте привѣтливы, окажите участіе къ слабымъ, безпомощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владиміра Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія Мономахъ проводитъ мысль о промслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни челоѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говорилъ, что въ основѣ всего, всѣхъ челоѣческихъ дѣйствій долженъ лежать страхъ Божій, то-

¹⁾ Выраженіе Мономаха: «напоите, накормите уенина» — различно объясняютъ Карамзинъ (т. II, прим. 232) подъ словомъ «уенинъ» разумѣетъ «хозяина», производя отъ слова «уина», что на кабардинскомъ языкѣ значитъ «домъ». Шевыревъ согласенъ съ Карамзинимъ. Г. Буславевъ (Христоматія) говоритъ, что нужно читать: «напоите, накормите уне ина», — то-есть, лучше инаго кого-нибудь. Но кажется, самое лучшее толкованіе г. Аристова (Христ. по русск. исторіи. Варшава 1870 года), что «уенинъ» — юенинъ, малый, слабый, бѣдный. Мы принимаемъ это послѣднее толкованіе.

есть, постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія человѣка, и что потому нужно всегда „страшиться“ оскорбить его дурными поступками: „се же вы конецъ всему—страхъ Божій имѣйте выше всего“. Теперь, какъ-бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божіей. Вотъ подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: „никто же васъ не можетъ вредити и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья, не могутъ отъяти... Божье блюдо не дѣлѣе есть человѣчьскаго“. Поставленные въ концѣ Поученія, эти слова имѣли значеніе показатъ, что слѣдуя неуклонно тѣмъ правиламъ поведенія человѣка-христианина, которыя предлагаются во всемъ Поученіи и чрезъ то угождая Богу, человѣкъ пусть не опасается, что съ нимъ въ жизни могутъ случиться какии-либо несчастія или напрасная смерть, потому что ничего не совершается въ мирѣ безъ воли Божіей, и промыслъ сохранить такого человѣка отъ всѣхъ несчастій за выполненіе нравственныхъ предписаній Евангелія ¹⁾). Если же человѣкъ не станетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то охраняющій промыслъ оставитъ его, и пусть онъ тогда не надѣется на людей: ни отецъ, ни мати, ни братья не спасутъ его, ибо „Божье блюдо не дѣлѣе есть человѣчьскаго“.

Представивъ очеркъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси—въ эпоху до-татарскую на основаніи Поученія Мономаха,—мы, очевидно, сдѣлали этотъ очеркъ неполнымъ, коснулись далеко не всѣхъ сторонъ религіозно-нравственной сферы человѣка, — даже болѣе, мы опустили совсѣмъ изъ виду многія воззрѣнія, далеко не изчерпали всей жизни тогдашняго русскаго общества — въ области духовно-нравственной. Причина такой неполноты нашего очерка заключается въ самомъ Поученіи Мономаха, которое оставивъ намъ нѣ-

¹⁾ Въ слѣдующихъ словахъ Поученія: «тура ми два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень ми одинъ болъ, а двѣ лоси, одинъ ногама топталъ, а другій рогама болъ... съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и рудѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея... и Богъ неврежена ми съблюде», — Мономахъ хотѣлъ выразить такую мысль: вотъ я соблюдаю по возможности заповѣди Божіи, и потому, не смотря на часто случавшуюся опасность для жизни, все-таки былъ хранимъ промысломъ: «Богъ неврежена ми съблюде».

которыя важныя черты тогдашнихъ взглядовъ и убѣжденій, рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и жизнь того времени, не могло же, въ самомъ дѣлѣ, дать полнаго и всесторонняго изслѣдованія всей тогдашней жизни. Судить о жизни своего времени, сознавать недостатки или преимущества своихъ современниковъ, критически относиться къ убѣжденіямъ своей эпохи весьма трудно и для большинства почти не возможно, потому что каждый человѣкъ есть прежде всего сынъ своего вѣка, который невольно подчиняется господствующимъ въ данное время убѣжденіямъ. Хотя Мономахъ, въ своемъ Поученіи, относится критически къ понятіямъ и жизни современниковъ, стараясь измѣнить и то, и другое на болѣе правильныя, сообразныя съ духомъ христіанства, тѣмъ не менѣе онъ, при всей своей геніальности, какъ сынъ своего вѣка, не могъ отрѣшиться отъ весьма многихъ неправильныхъ (съ настоящей точки зрѣнія) воззрѣній, что отчасти видно изъ Поученія, слѣдовательно, не могъ отпестись къ этимъ воззрѣніямъ критически, а потому и не высказалъ ихъ въ своемъ произведеніи. Вотъ причина недостатка желаемой полноты въ Поученіи, а вслѣдствіе того, и недостатокъ въ нашемъ очеркѣ всесторонняго изображенія религіозно-правственной жизни и убѣжденій русскаго общества, современнаго Поученію. Слѣдуя неуклонно руководящей нити Поученія и не позволяя себѣ отступать отъ нея ни на шагъ, мы, тѣмъ не менѣе, въ своемъ очеркѣ старались указывать на все такъ или иначе подтверждающее характеристику русскаго общества того времени, сдѣланную Мономахомъ. Въ заключеніе авторъ можетъ только сказать словами Мономаха: „да не зазрите ми... кто прочтетъ: не хвалю бо ся, ни дерзости своєю, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже... не лѣнива ми бысть створи мѣ худаго на вся дѣла чловѣчская потребна“.

С. Протопоповъ.